

18+

ЯРОСЛАВ ДЮЖОВ

НЕСУЩИЕ

ТОМ 1–6

Ярослав Дюжов

Несущие. Том 1—6

<https://litres.ru/74592034>

ISBN 9785007147606

Аннотация

В тихом городке происходят жестокие и необъяснимые нападения. Студент Мицуками Юнамо случайно заражается неизвестным грибком, превращающим его тело в поле битвы. Существо внутри него способно подчинять его волю. Пока Юнамо пытается сохранить контроль над собой, он расследует тайну кровавых преступлений. Сможет ли он найти общий язык с чудовищем или сам станет орудием, способным уничтожить человечество?

Содержание

52

Конец ознакомительного фрагмента.

89

Несущие Том 1—6

**Ярослав
Викторович Дюжов**

© Ярослав Викторович Дюжов, 2026

ISBN 978-5-0071-4760-6 (1—6)

ISBN 978-5-0071-4761-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕСУЩЕ

1

ЯРОСЛАВ
ДЮЖОВ

Table of Contents

Table of Contents

— Том 1.

— Том 2

— Том 3

— Том 4

— Том 5

— Том 6

Том 1.

1 Глава: «Трещина в бесконечности.»

Все изменилось в один миг. Тот самый миг, когда мир, казавшийся таким прочным и незыблемым, вдруг треснул, словно хрупкое стекло под лёгким прикосновением. Никто не был к этому готов. Никто не мог предсказать, что даже самая маленькая, едва заметная частица способна разрушить огромный механизм, который мы привыкли называть реальностью.

Мир, грандиозный механизм, отлаженный до мельчайших деталей, где каждая шестеренка, каждый винтик, каждая пылинка играет свою, казалось бы, незначительную, но абсолютно необходимую роль. Мы, люди, привыкли считать себя вершиной этого творения, венцом эволюции, хозяевами сво-

ей судьбы. Мы строим города, покоряем космос, постигаем тайны атома, но при этом зачастую забываем о том, что сами являемся лишь крошечными, хрупкими элементами в этой бесконечной симфонии бытия. Мы живем в иллюзии контроля, в уютном коконе привычных законов физики и логики, не подозревая, насколько тонка грань между порядком и хаосом, между реальностью и сном.

Но что, если однажды, в самый обычный день, когда солнце светит так же ярко, а люди спешат по своим делам, одна из этих крошечных, незаметных пылинок решит сыграть свою партию иначе? Что, если она, будучи ничтожной в масштабах вселенной, окажется той самой критической массой, которая запустит цепную реакцию, способную перевернуть все с ног на голову? Что, если законы, которые мы считали незыблемыми, окажутся лишь временным соглашением, которое может быть расторгнуто в любой момент?

Человечество, в своей гордыне, всегда стремилось к совершенству, к контролю, к предсказуемости. Мы боимся неизвестности, хаоса, того, что выходит за рамки нашего понимания. Но именно в этих трещинах, в этих аномалиях, скрывается истинная природа реальности — многогранная, непредсказуемая и бесконечно удивительная. И иногда, чтобы увидеть эту истину, нужно лишь одно — чтобы самая маленькая частица сломала огромный механизм.

Именно так, в один миг, Мицуками Юнамо, и вместе с ним весь остальной мир, начал трещать по швам...

2 Глава: «Эффект Бабочки.»

Утро в Рукогане начиналось с привычной, но всегда завораживающей суеты. Первые, робкие лучи восходящего солнца, словно золотые нити, пробивались сквозь легкие, полупрозрачные шторы, освещая комнату Мицуками Юнамо. За окном простирался обычный, но от этого не менее живописный городской пейзаж: серые, приземистые крыши домов, утопающие в легкой, утренней дымке, и редкие, стройные деревья, еще не успевшие полностью сбросить свои последние, багряные осенние листья. Воздух был свеж и прохладен, с едва уловимым ароматом влажной земли и далекого моря.

Юнамо потянулся, ощущая приятную, ноющую усталость после глубокого сна, словно его тело только что вернулось из долгого путешествия. Он медленно, словно нехотя, спустился вниз, в сердце дома, где уже всюду кипела жизнь.

На кухне царила атмосфера утреннего уюта. Его младшая сестра, Момока, с ловкостью опытного шеф-повара орудовала у плиты, готовя ароматный завтрак. Ее светлые волосы были собраны в небрежный пучок, а на лице играла легкая улыбка. Отец, Нобору, уже устроился перед большим телевизором, его взгляд был прикован к утренним новостям, а в руках он держал чашку дымящегося зеленого чая.

«Доброе утро, Юнамо-кун,» — приветствовала его Момока, не отрываясь от своих кулинарных дел. Ее голос звучал мелодично и нежно, как утренняя трель птицы.

«Доброе утро, Момока-чан,» — отозвался Юнамо, на-

правляясь к отцу. Он уселся за стол, ощущая приятный запах свежеприготовленного риса и жареной рыбы.

«Что там по новостям, отец?» — спросил он, его голос был еще немного сонным.

Нобору покачал головой, его лицо выражало явное беспокойство. «Опять эти нападения, Юнамо. Жестокие, безжалостные... Город в страхе. Кажется, этот маньяк не собирается останавливаться.»

Юнамо нахмурился, его брови сошлись на переносице. Он тоже слышал об этих ужасных происшествиях, которые уже давно не давали покоя жителям их городка, превращая спокойные улицы в арену для страха. «Когда я закончу колледж, отец,» — произнес он с неожиданной для себя решимостью, его голос стал тверже, — «я обязательно найду этого маньяка. Нельзя так просто пугать людей, лишать их сна и покоя.»

«Я верю в тебя сынок, за тобой большее будущее» — с улыбкой проговорил Нобору.

В этот момент сзади к Юнамо подошла Момока, держа в руках поднос с аппетитно выглядящими онигири и мисо-супом. «Завтрак готов, давайте садиться,» — пригласила она, ее глаза сияли теплотой.

Семейный завтрак проходил в атмосфере умиротворения, прерываемой лишь тихим звоном фарфоровой посуды и негромкими, но искренними разговорами. Внезапно, в дверь раздался настойчивый стук, нарушивший спокойствие.

«Я проверю,» — сказал Юнамо, вставая из-за стола. Его сердце слегка екнуло — кто бы это мог быть так рано?

За дверью стоял Рэйки Курогана, его лучший друг, словно высеченный из камня. Его взгляд, всегда пустой и холодный, словно бездонное озеро, и ровные, почти идеальные черты лица вызывали у большинства людей легкий дискомфорт, но Юнамо давно привык к этой его особенности. Он был словно загадка, которую Юнамо никак не мог разгадать до конца.

«Привет, Юнамо,» — произнес Рэйки ровным, монотонным голосом, без малейших интонаций. «Завтра у нас учеба, не забыл? Я принес твою биологическую энциклопедию. Ты ее где-то потерял, кажется или оставил у меня после нашей последней встречи.»

«Ах, точно! Спасибо, Рэйки,» — Юнамо принял увесистый том, его глаза на мгновение осветились благодарностью. «Я совсем забыл. Ты меня очень выручил.»

«Не за что,» — ответил Рэйки, его взгляд оставался неизменным. «Увидимся завтра в колледже.»

«Да, до завтра,» — кивнул Юнамо, наблюдая, как его друг удаляется по улице, его силуэт растворяется в утреннем тумане.

Закрыв дверь, Юнамо вернулся к столу. «Кто там был?» — спросил Нобору, отрываясь от своего чая.

«Это был Рэйки, отец. Он принес мою энциклопедию по биологии,» — ответил Юнамо, усаживаясь обратно.

Завтрак продолжился в прежнем спокойном ритме. Юна-

мо, доев свой рис, обратился к сестре: «Спасибо за завтрак, Момока-чан. Было очень вкусно.»

«Всегда пожалуйста, Юнамо-кун,» — улыбнулась Момока, собирая посуду.

Юнамо отправился в свою комнату, где его ждал мягкий оазис покоя. Он плюхнулся на кровать, ощущая приятную тяжесть одеяла, и достал телефон. Первым делом он проверил новости и чат, посвященный ботаническим материалам — его страсть, его отдушина. И тут его взгляд зацепился за что-то необычное. Пост гласил: «Мир кордицепса: эволюция и новые бактерии. Заражение выходит за пределы насекомых.» Сердце Юнамо забилося быстрее. Кордицепс, грибок, известный своей способностью подчинять насекомых своей воле, эволюционирует? Это было бы невероятно, но в то же время пугающе. Он уже представлял себе, как эти новые бактерии могут повлиять на экосистему, на жизнь вокруг. Но прежде чем он успел углубиться в детали, пост исчез. Незвестный администратор удалил его.

«Что за чертовщина?» — пробормотал Юнамо, его брови снова сошлись на переносице. Это было странно. Очень странно. Он начал размышлять. Может, это просто чья-то шутка? Розыгрыш? Но информация казалась слишком специфичной, слишком правдоподобной для простой шутки. Он уставился в потолок, пытаясь осмыслить произошедшее. Минуты тянулись медленно, погружая его в полудрему. В конце концов, усталость взяла свое, и Юнамо провалился в

дневной мимолетный сон.

Сон Юнамо был ярким и необычным. Он видел себя и Момоку, совсем маленьких, сидящих за столом в их детской комнате. Вокруг них были разложены пробирки, микроскопы и различные образцы. Они с увлечением изучали микроорганизмы, каждый из которых казался им целым миром.

«Смотри, Юнамо-кун!» — воскликнула Момока, указывая на экран микроскопа. «Этот какой-то странный. Он будто светится изнутри!»

Юнамо наклонился, его глаза расширились от удивления. Действительно, в пробирке плавал микроорганизм, излучающий слабое, пульсирующее свечение.

«Ты как всегда, Юнамо-кун,» — хихикнула Момока, поддразнивая его. «Весь в своих бактериях. Неудивительно, что ты так любишь биологию. Ты же настоящий ботаник!»

Юнамо лишь улыбнулся, не обращая внимания на ее шутки. Он был полностью поглощен миром микроорганизмов, который открывался перед ним. Но вдруг, словно по волшебству, яркие краски сна начали блекнуть, образы расплываться, и сон рассеялся...

Ночь окутала город своим бархатным покровом. Город затих, лишь редкие огни фонарей освещали пустые улицы. В комнате Юнамо царил покой. Он крепко спал, не подозревая о том, что происходит вокруг.

Кордицепс, этот удивительный грибок, обладал невероятной способностью. Он не просто убивал своих носителей, он подчинял их своей воле, превращая в безвольных марионеток, служащих его целям. Споры кордицепса, легкие и невидимые, разносились по ветру, оседая на всем, что встречалось на их пути. А слизняки, эти скользкие и мерзкие существа, были одними из самых частых переносчиков различных болезней. Той ночью, один из таких слизняков, видимо, проползая по сточным канализациям, где скопились споры кордицепса, заразился. И теперь, неся в себе эту смертельную угрозу, он двигался по своему пути, неся заражение в самое сердце дома Мицуками.

Юнамо ворочался во сне, его дыхание стало чуть более прерывистым. На краю его письменного стола, словно призрак из ночных кошмаров, появился маленький, блестящий слизнячок. Он медленно, неумолимо полз по гладкой деревянной поверхности, оставляя за собой тонкий, мерзкий след слизи. Эта липкая, полупрозрачная субстанция покрывала все на своем пути: поверхность стола, его драгоценный телефон, даже страницы раскрытой энциклопедии. Слизь, идеальная среда для размножения паразитов, казалась отвратительной в своей вязкой структуре, вызывая невольное желание отвернуться.

Внезапно, из уличной тишины донесся пронзительный крик, полный ужаса и отчаяния. Юнамо резко распахнул глаза, его сердце бешено колотилось в груди. Он подскочил к

окну, пытаясь разглядеть источник звука в ночной темноте. Но ничего, кроме привычных силуэтов домов и редких, тусклых огней, не было видно.

«Видимо, приснилось...» — прошептал он, пытаясь успокоить дрожь в голосе. Он взял телефон, его пальцы скользнули по прохладному стеклу. Экран осветился, и он увидел уведомление: «Экзамен завтра.»

«Что?!» — Юнамо почувствовал, как холодный пот выступил на его лбу. Экзамен? Он совершенно забыл о нем. Его мозг, еще не до конца проснувшийся от сна и испуга, отказывался верить в реальность. Это был провал. Полный и безоговорочный провал. Он не готовился ни дня.

«Нужно поговорить с отцом,» — решил он, откладывая телефон с этой мыслью, тяжелой и гнетущей, Юнамо снова закрыл глаза, погружаясь в беспокойный сон, где реальность и кошмары переплетались в зловещем танце.

Ночь продолжала свое безмолвное шествие над Куроганой. В комнате Юнамо, где еще недавно царил покой, теперь таилась невидимая угроза. Слизь, оставленная слизняком, медленно, но верно, становилась рассадником для чего-то гораздо более зловещего. Споры кордицепса, попавшие в эту благоприятную среду, начали свою тихую, но неумолимую работу. Они проникали в мельчайшие трещины, в поры дерева, в микроскопические щели на поверхности телефона. Их цель была одна — размножаться, распространяться, подчинять. И комната Юнамо, его личное пространство, его

убежище, становилось первым плацдармом для этой новой, эволюционировавшей угрозы.

Юнамо спал, не подозревая о том, что его мир, его привычная реальность, уже начала меняться. Он видел во сне лишь отголоски прошедшего дня, тревожные предчувствия, но истинная опасность таилась совсем рядом, в липкой, мерзкой слизи, которая медленно, но верно, проникала в его жизнь. И эта ночь, казавшаяся такой спокойной и безмятежной, была лишь затишьем перед бурей, которая вот-вот должна была обрушиться на него и на весь город.

3 Глава: «Заражённый.»

Новый день, новый рассвет. Рукогана пробуждалась под нежную симфонию птичьих трелей, наполняя воздух обещанием чего-то доброго и светлого. Но для Юнамо это утро не принесло долгожданной бодрости. С трудом разлепив слипшиеся веки, он потянулся к телефону, ощущая неприятную тяжесть во всем теле. Экран осветил сообщение от Момоки: «Мы с отцом уехали за новыми документами. Вернемся только к вечеру. Не скучай!»

Обычное утро Мицуками Юнамо начиналось с привычного ритуала. Спустившись вниз по скрипучей лестнице, он направился к телевизору, чтобы включить новости. Однако сегодня экран вновь транслировал мрачные сводки об очередном убийстве, произошедшем в их тихом районе. Тяжело вздохнув, Юнамо выключил телевизор, не желая омрачать и без того нерадостное начало дня. В этот момент раздался

звонок. На другом конце провода был его друг Рэйки.

«Юнамо, Ты не поверишь, что случилось.» — голос Рэйки звучал взволнованно, почти панически. — «Сузуки Рёта попала в больницу! Никто не знает, что с ней произошло!»

Юнамо почувствовал, как по спине пробежал холодок беспокойства. «Что с ней случилось?» — его собственный голос звучал хрипло и неуверенно.

«Неизвестно! Просто внезапно стало плохо, и всё. Я сам в шоке, Юнамо.» — Рэйки замолчал, видимо, пытаясь справиться с мыслями.

«Надеюсь, с ней все будет хорошо,» — пробормотал Юнамо, чувствуя, как его собственное самочувствие ухудшается.

«Я тоже очень надеюсь. Ладно, мне пора идти. Держись там, Юнамо,» — попрощался Рэйки.

«И ты, Рэйки. Спасибо за звонок,» — ответил Юнамо, кладя трубку.

Он снова почувствовал резкое недомогание. Казалось, его тело охватила какая-то странная слабость. «Видимо, я заболел,» — подумал он, с трудом поднимаясь. На кухне его ждала лазанья, приготовленная накануне. Во время завтрака, пока он машинально ковырял вилкой сырную корочку, Юнамо достал свой любимый блокнот и карандаш. Он начал рисовать, и на бумаге постепенно появлялось странное, жутковатое существо с одним большим, пустым глазом. Внезапно, его пронзила острая, пульсирующая боль в груди. Он схватился за сердце, задыхаясь, словно кто-то сдавил его легкие

невидимыми тисками. Мир вокруг поплыл, воздух стал густым и тяжелым, наполненным запахом пыли и чего-то затхлого. Казалось, каждая клеточка его тела кричала от боли, а сознание медленно ускользало.

Внезапно, резкий, настойчивый стук в дверь прервал мучительные ощущения. Юнамо, с трудом подняв голову, почувствовал, как боль немного отступает. Он медленно встал на колени, опираясь на стол, и, шатаясь, подошел к двери. За ней стоял полицейский, в строгой форме, держа в руках фотографию пропавшей женщины.

«Добрый день. Прошу прощения за беспокойство,» — начал полицейский, его голос был спокойным, но внимательным. — «Вы случайно не видели эту женщину в последнее время? Или, может быть, что-то странное происходило в вашем районе?»

«Странное?» — Юнамо перевел взгляд с фотографии на лицо полицейского, пытаясь собраться с мыслями. Его сердце все еще колотилось в груди, но уже не так яростно. — «Я... я не уверен. В последнее время все кажется каким-то... ненормальным.» Он запнулся, подбирая слова. — «Вы слышали о... о той странной пандемии, которая началась? Люди болеют, но врачи не могут понять, что это.»

Полицейский слегка нахмурился, его взгляд стал более пристальным. «Пандемия? Молодой человек, вы уверены, что хорошо себя чувствуете? Я не слышал ни о какой пандемии. Мы расследуем исчезновение этой женщины, госпожи

Акико Танака. Она пропала день назад. Вы ее видели?»

«Нет, не видел,» — ответил Юнамо, чувствуя, как его слова звучат неубедительно даже для него самого. — «Но... я видел странные вещи. Тени, которые двигаются сами по себе. И... и звуки. Необычные звуки по ночам.» Он посмотрел на фотографию снова. Женщина на ней выглядела обычной, но в ее глазах было что-то тревожное, что-то, что Юнамо уже видел раньше.

Полицейский вздохнул, его тон стал немного снисходительным. «Молодой человек, возможно, вам стоит отдохнуть. Или обратиться к врачу. Мы ищем госпожу Танака, и любая информация о ее местонахождении будет полезна. Если вы вспомните что-то еще, пожалуйста, позвоните по этому номеру.» Он протянул Юнамо визитку. «Спасибо за ваше время.»

Дверь закрылась, оставив Юнамо в тишине. Он задумчиво посмотрел на визитку, затем на свои руки. Внезапно его взгляд упал на пальцы. Он вскрикнул. На коже, там, где еще недавно была лишь бледность, теперь проступала сыпь. Но это была не обычная сыпь. Она была странного, неестественного голубовато-зеленого цвета, напоминающего плесень, расползающуюся по его коже. Страх сковал его. Юнамо схватил телефон, его пальцы дрожали. Он начал лихорадочно искать информацию о подобных симптомах, но ничего не находил. Все, что он находил, было либо слишком общим, либо совершенно не соответствовало тому, что видел сам.

«Какого черта?!» — воскликнул Юнамо.

Внутреннее беспокойство переросло в настоящий ужас. Что это за болезнь? Почему она так быстро распространяется? И почему никто об этом не говорит? Он чувствовал себя изолированным, одиноким в своем страхе. Философские размышления о природе реальности, о границах познания, которые раньше казались ему интересными, теперь вызывали лишь отчаяние. Он был пленником своего собственного тела, которое предавало его, и мира, который казался ему все более чужим и враждебным.

Весь день Юнамо провел, уткнувшись в телефон, погруженный в бесконечный поиск ответов. Он пролистывал форумы, читал статьи, пытался найти хоть какую-то зацепку, хоть какое-то подтверждение своим страхам. Солнце медленно клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона, когда дверь снова открылась. Юнамо поднял голову, ожидая увидеть кого угодно, но только не его. На пороге стоял его отец, Нобору.

«Юнамо? Ты чего такой бледный?» — Нобору вошел в комнату, его взгляд остановился на телефоне в руках сына. — «Ты опять весь день просидел в телефоне? Ты же говорил, что плохо себя чувствуешь.»

Юнамо почувствовал, как его охватывает паника. «Отец... я... я, кажется, заболел,» — пробормотал он, пытаясь скрыть дрожь в голосе. Он инстинктивно спрятал руки под стол, боясь, что отец заметит странную сыпь.

Нобору подошел ближе, его лицо выражало беспокойство. «Заболел? Ты выглядишь очень плохо, Юнамо. Может, тебе стоит обратиться к врачу? Сдать анализы?»

«Нет!» — Юнамо резко вскочил, его голос сорвался. — «Нет, я не хочу! Я... я просто устал. Мне нужно отдохнуть.» Он чувствовал, как его тело начинает предавать его. Голова закружилась, перед глазами поплыли пятна. Он попытался сделать шаг назад, но ноги подкосились. Мир вокруг него начал вращаться с бешеной скоростью, цвета смешались в однородное пятно. Он почувствовал, как его тело становится невесомым, а затем — резкий удар о пол.

«Юнамо!» — крикнул Нобору, бросаясь к сыну.

Последнее, что Юнамо услышал, был встревоженный голос отца, прежде чем мир погрузился в полную темноту. Он чувствовал, как его сознание медленно угасает, унося с собой страх, боль и вопросы, на которые он так и не нашел ответов. Сыпь на его пальцах, казалось, пульсировала в такт его угасающему сердцу, распространяясь, как зловещий узор, предвещающий что-то неизвестное и ужасное. Он был один, покинутый в своей борьбе с невидимой болезнью, которая, казалось, была частью чего-то гораздо большего и пугающего, чем он мог себе представить...

4 Глава: «Привет, человек!»

Утро началось не с привычного завтрака, не с хохота Мо-моки, не с пенья птиц, а с монотонного, резкого пиканья медицинского оборудования. Сквозь тяжесть в голове и сонли-

вость Юнамо медленно открыл глаза. Перед ним стоял врач в маске, аккуратно меняя капельницу. Свет из окна мягко заливал палату, но казался слишком ярким и холодным.

«Вы очнулись?» — тихо сказал врач, заметив движение. Его голос был ровным, спокойным, но в нем чувствовалась забота.

Юнамо вздрогнул и сразу посмотрел на руку — странной сыпи больше не было. Сердце забилось быстрее.

«Что... что со мной?» — голос дрожал, в груди стоял комок тревоги.

«Ничего страшного.» — врач улыбнулся глазами, хотя маска скрывала улыбку. — «Просто обычный грипп. Вы сильно перенервничали, вот и организм так отреагировал.»

Юнамо покачал головой, не в силах согласиться.

«Нет.» — тихо, но настойчиво сказал он. — «Это не просто грипп. Я чувствовал... будто что-то внутри меня. Не так, как обычно. Что-то живое.»

Врач вздохнул, достал из кармана блистер с таблетками и протянул ему.

«Выпейте эти. Они помогут успокоиться. Иногда стресс заставляет тело вести себя странно. Вы просто устали.»

Юнамо послушно взял таблетки, проглотил их, и тепло медленно разлилось по телу, тревога немного отступила.

«Кстати.» — врач продолжил, заполняя карту, — «у вас самая редкая группа крови в мире. Настолько редкая, что таких людей можно пересчитать по пальцам.»

Юнамо удивленно приподнял брови.

«Правда?» — удивлённо переспросил Юнамо, чувствуя, как в груди что-то отозвалось, словно пробуждаясь от долгого сна. Редкая группа крови... Это звучало одновременно и гордо, и пугающе. Он не знал, что именно означало это для него, но ощущение собственной уникальности придавало сил.

Врач кивнул, слегка улыбаясь под маской.

«Да, и именно поэтому вам придётся остаться здесь ещё пару дней. Нужно внимательно следить за вашим состоянием, чтобы избежать осложнений. После этого сможете вернуться домой.»

Юнамо невольно вспомнил о предстоящем экзамене. Волнение снова подступило к горлу, но он глубоко вздохнул и кивнул.

«Спасибо, доктор. Я постараюсь не подвести.»

Врач уже собирался выйти, когда Юнамо внезапно остановил его:

«Подождите... А как насчёт Сузуки Рёты? Она... она тоже в больнице, да? Мне говорили, что она попала сюда.»

Врач обернулся, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое.

«Да, она поправилась. Сегодня вечером сможете увидеться с ней. Это будет хорошим стимулом для вашего выздоровления.»

Юнамо выдохнул с облегчением и повернул взгляд в сторону окна. За стеклом светило яркое солнце, его лучи мяг-

ко проникали в палату, заливая комнату тёплым светом. На улице дети играли в мяч, их звонкий смех и радостные крики наполняли воздух жизнью и беззаботностью. Казалось, что весь мир вокруг продолжает свой бег, не замечая боли и тревог, которые сейчас жили внутри него.

Он наблюдал за ними, пытаясь унять внутреннее беспокойство. В голове крутились мысли о том, что произошло за последние дни — странные ощущения в теле, необъяснимая усталость, тревога, которая не отпускала даже во сне. Взгляд невольно опустился на руку — она словно пульсировала, и в глубине кожи казалось, что что-то живое шевелится, что-то чуждое и одновременно родное.

В этот момент дверь палаты тихо открылась, и внутрь вошла Сузуки. Её глаза сразу встретились с его, и на лице девушки заиграла нежная улыбка. В руках она держала пакет с гостинцами — маленькими сладостями и фруктами, которые, как она сказала, должны помочь ему почувствовать себя лучше.

«Привет, Юнамо» — мягко сказала она, подходя ближе и осторожно ставя пакет на тумбочку рядом с кроватью. — «Я думала, тебе будет приятно немного отвлечься. Здесь скучно, да?»

Юнамо улыбнулся, чувствуя, как тепло разливается по груди от её присутствия. В её глазах было что-то такое — искреннее и спокойное, что заставляло забыть о тревогах и боли.

«Спасибо, Сузуки.» — ответил он, слегка наклонившись вперёд. — «Ты всегда знаешь, как поднять настроение.»

Она села на край кровати, и между ними повисла лёгкая тишина, наполненная невысказанными словами и чувствами. Юнамо заметил, как её пальцы нервно играют с краем пледа.

«Ты... как себя чувствуешь?» — наконец спросила она, глядя прямо в его глаза.

«Лучше.» — признался он. — «Но всё ещё странно. Иногда кажется, что внутри меня что-то живёт. Что-то, что я не могу понять.»

Сузуки нахмурилась, словно пытаясь представить это.

«Ты не один. тихо сказала она. — «Я тоже была здесь, и знаю, как это страшно. Но мы справимся. Вместе.»

Юнамо кивнул, ощущая, как её слова словно обволакивают его, придавая сил. В этом взгляде, в её присутствии было что-то настоящее — нечто, что не поддавалось объяснению, но согревало душу. Он хотел поверить, что действительно справится, что это странное чувство внутри — не приговор, а вызов, который он сможет принять.

Внезапно дверь открылась, и в палату вошёл врач. Его появление словно прервало невысказанную магию момента. Сузуки быстро поднялась, слегка покраснев, и тихо извинилась.

«Прости.» — сказала она, улыбаясь сквозь лёгкую неловкость. — «Мне нужно идти. Скоро увидимся.»

Юнамо кивнул, наблюдая, как она уходит, оставляя после себя лёгкий аромат цветов и надежду.

Врач подошёл к кровати и, взглянув на Юнамо, сказал:

«Через пару часов начнутся процедуры. Постарайтесь не волноваться, это необходимо для вашего восстановления.»

Он протянул Юнамо книгу — что-то лёгкое и увлекательное, чтобы отвлечься.

«Почитайте, это поможет скоротать время.»

Юнамо взял книгу, поблагодарил и, устроившись поудобнее, начал читать. Страницы медленно перелистывались под пальцами, слова уносили его в другой мир, где не было боли и тревог. Но усталость брала своё — веки становились всё тяжелее, мысли путались, и вскоре Юнамо погрузился в сон...

Сон был странным, не такой как остальные, это была ночь в клубе, она была наполнена гулом музыки и мерцанием разноцветных огней. Люди танцевали, смеялись, забывая о повседневных заботах. Среди них была Акико Танако — девушка с яркой улыбкой и огненным характером. Она двигалась легко и свободно, словно сама музыка была её дыханием.

Внезапно к ней подошёл незнакомец — высокий, с тёмными глазами, которые казались слишком глубокими и холодными. Он улыбнулся, протянул руку.

«Пойдём.» Сказал он тихо, — у меня есть место, где мож-

но поговорить.

Акико, немного настороженная, но поддавшись любопытству, последовала за ним. Они вышли из шумного зала, прошли через толпу и свернули в узкий переулок, освещённый лишь тусклым светом фонаря.

Там незнакомец остановился. Его лицо начало искажаться, кожа словно растягивалась и морщилась, превращаясь в нечто чуждое и ужасное. Голова начала расползаться, превращаясь в щупальца с острыми лезвиями и множеством глаз, которые злобно мерцали в темноте. Акико закричала, пытаясь вырваться, но ужасное существо схватило её, и её крик эхом разнесся по пустынному переулку. В этот момент Юнамо резко проснулся, сердце бешено колотилось, а в ушах ещё звенел её крик.

Холодный пот стекал по его вискам, сердце бешено колотилось в груди, словно пойманная в ловушку птица. Паника сжимала грудь, дыхание сбивалось, но вдруг он резко открыл глаза и осознал: это был всего лишь сон. Мягкий, тёплый свет ночника мягко рассеивал тьму, пробиваясь сквозь неплотно задернутые шторы. В палате царила тишина — такая глубокая и спокойная, что казалось, будто весь мир замер в ожидании рассвета. Лёгкий шелест вентиляции и редкие, едва слышные шаги медперсонала создавали атмосферу умиротворённой безмятежности.

Юнамо медленно потёр затылок, пытаясь стряхнуть остат-

ки кошмара. Его пальцы ощущали прохладу кожи, а в голове постепенно возвращалась ясность. Он осторожно отодвинул простыню, которая слегка прилипла к коже, и плавно опустил ноги на холодный, но приятный на ощупь линолеум. Вдохнув, он встал с кровати и направился к двери.

Коридоры больницы были пустынные и безмолвны. Тусклый свет ламп отражался от белых стен, создавая длинные тени, которые словно танцевали на полу. В воздухе витал лёгкий запах антисептика и свежести. Двери палат были плотно закрыты, и лишь изредка слышался приглушённый звук шагов или тихий голос. Всё вокруг казалось замершим, словно время замедлило свой бег.

«Пожалуй, это просто усталость.» — подумал Юнамо, стараясь успокоить себя.

Он шагал медленно, словно боясь нарушить эту хрупкую тишину, которая обволакивала коридор. Его шаги отдавались приглушённым эхом, отражаясь от холодных стен, и казалось, что даже воздух здесь был густым и вязким, словно пропитанным ожиданием чего-то неизбежного. Время будто растягивалось, каждое мгновение становилось бесконечным, а свет ламп, мерцающий над головой, то тускнел, то вновь вспыхивал, словно играя с его сознанием.

Юнамо остановился у двери уборной, слегка дрожа от холода и усталости, и медленно толкнул её. Внутри царила та же стерильная чистота, что и во всём больничном здании — белые кафельные стены, блестящая от воды раковина, зер-

кало в металлической раме, чуть запотевшее от влажности. Тусклый свет лампы над зеркалом отбрасывал на лицо Юнамо мягкие тени, которые казались почти дружелюбными после мрака коридора.

Он подошёл к раковине, наклонился и начал умываться холодной водой, чувствуя, как капли стекают по лицу, смывая остатки кошмара. Вода была ледяной, словно сама ночь проникла в неё, и каждый холодный поток пробуждал в Юнамо чувство живости, отгоняя остатки тревоги. Он медленно поднимал взгляд, наблюдая своё отражение в зеркале — бледное лицо с тёмными кругами под глазами, волосы, слегка растрёпанные после сна. Казалось, что сейчас он сможет наконец-то успокоиться, отпустить страхи, которые так неумолимо преследовали его в кошмаре.

Но вдруг, словно из глубин тьмы, что-то мелькнуло за его спиной. Юнамо замер, сердце застучало с новой силой. Он резко поднял глаза и увидел то, что заставило кровь стынуть в жилах: из его собственной спины, словно вырвавшись из-под кожи, торчали странные отростки — тонкие, покрытые бледной, почти прозрачной кожей, на которых располагались несколько глаз. Пара тройка глаз, неподвижных и холодных, смотрели прямо на него, словно наблюдая, оценивая, проникая в самую суть его существа.

«Н-нет...» — вырвался из горла Юнамо, голос дрожал от ужаса. — «Это не может быть...»

Он вскрикнул и отпрыгнул от зеркала Юнамо отскочил

назад, сердце бешено колотилось, а ладони вспотели от страха. Он инстинктивно потянулся к спине, пытаясь ощупать то, что видел в зеркале, но пальцы встретили лишь гладкую кожу — ничего необычного, никаких отростков, никаких глаз. Он резко обернулся, глядя на своё отражение, и в зеркале увидел лишь уставшее, бледное лицо, испуганные глаза и растрёпанные волосы.

«Это просто игра света... или остатки сна», — пытался убедить себя Юнамо, тяжело выдыхая и медленно возвращаясь к раковине. Он опустил руки в холодную воду и начал умываться, стараясь смыть с лица не только капли, но и страх, что сковал его разум.

«Всё в порядке.» Тихо прошептал он себе, — это просто сон. Ничего нет. Ты в безопасности.»

Он несколько раз повторил эти слова, глядя в своё отражение, пытаясь найти в глазах хоть каплю уверенности. Но в глубине души что-то не давало ему покоя — ощущение, что за спиной всё ещё кто-то наблюдает.

Юнамо вытер лицо полотенцем, и в этот момент его взгляд невольно упал на ладонь.

Он замер, когда заметил, что на его ладони, словно отпечаток из ночных кошмаров, появился глаз. Маленький, влажный, с зрачком, который медленно сужался, словно реагируя на его взгляд. В тот же миг глаз моргнул — медленно, почти лениво, словно играя с ним в какую-то жуткую игру.

«Ч-что... — выдохнул Юнамо, отступая назад, но ру-

ка словно ожила, деформируясь в неестественных изгибах. Пальцы скрутились, кожа натянулась и смялась, а из ладони раздался тихий, но зловещий смех — хриплый, скрипучий, словно голос, который не должен был принадлежать человеческому телу.»

«Привет, человек! — раздался изнутри голос, холодный и насмешливый, словно шепот из самых тёмных глубин.»

Он отшатнулся, глаза расширились от ужаса. Его тело будто парализовало, но разум отчаянно искал выход, пытаясь понять

его положение.

Юнамо закричал.

В этот момент дверь уборной с тихим скрипом открылась, и в помещение вошёл врач — высокий, в белом халате, с усталым, но внимательным взглядом...

5 Глава: «Удушье.»

Внезапный, пронзительный крик Юнамо разорвал тишину больничного коридора, словно трещина в хрупком стекле. Дверь уборной распахнулась с такой силой, что едва не слетела с петель. Юнамо, застыв на месте, инстинктивно спрятал правую руку за спину, словно пытаясь укрыть от посторонних глаз нечто ужасное, нечто, что заставило его издавать столь дикие звуки. На пороге возник силуэт врача, его лицо выражало смесь тревоги и профессионального любопытства.

«Юнамо, что происходит?» — голос врача был спокоен, но в нем чувствовалась нотка настороженности. Он сделал

шаг вперед, его взгляд скользнул по бледным чертам Юнамо, по его широко распахнутым глазам, в которых застыл первобытный ужас.

«Т-там... таракан!» — выдохнул Юнамо, его голос дрожал, как струна, натянутая до предела. Он с трудом сглотнул, пытаясь унять дрожь в теле. — «Огромный, прямо на стене! Он... он полз!»

Врач, мужчина средних лет с аккуратно зачесанными седыми волосами и пронизательными голубыми глазами, недоверчиво покачал головой. Он окинул взглядом безупречно чистую, стерильную комнату, где каждый предмет находился на своем месте, где воздух казался пропитанным антисептиками.

«Юнамо, это невозможно,» — мягко, но твердо произнес он. — «Здесь все стерильно, мы проводим регулярную дезинфекцию. Никаких насекомых здесь быть не может. Ты уверен, что видел именно таракана?»

Слова врача, казалось, только подстегнули Юнамо. Его тело сотрясла волна истерического смеха, который вырвался из груди, заглушая все остальные звуки. Он прикрыл рот рукой, пытаясь сдержать этот безумный, пугающий смех, и принялся нервно чесать затылок, словно пытаясь стереть из памяти увиденное. Атмосфера в комнате сгустилась, став почти осязаемой, тяжелой, как предгрозового воздух. Юнамо чувствовал, как по его спине стекает холодный пот, а сердце колотится где-то в горле, готовое вырваться наружу. Ему ка-

залось, что стены комнаты дышат, что тени в углах оживают, наблюдая за ним.

«Пожалуй, тебе стоит отправиться на водные процедуры,» — предложил врач, его голос стал еще мягче, пытаясь вернуть Юнамо к реальности, вырвать его из плена иллюзий. — «Это поможет тебе расслабиться, снять напряжение.»

Юнамо, все еще не сводя взгляда с руки, которую он продолжал держать за спиной, словно она была его единственной опорой в этом рушащемся мире, кивнул. «Да, пожалуй,» — пробормотал он, его голос был глухим и отрешенным. Он не дожидаясь дальнейших указаний, его ноги сами понесли его прочь из комнаты, в сторону душевых.

Каждый шаг по стерильному, безликому коридору казался ему вечностью. Его взгляд не отрывался от скрытой руки. Что это могло быть? Неужели он действительно сошел с ума? Мысли роились в голове, переплетаясь в клубок тревоги, страха и недоумения. Он чувствовал, как холодный пот стекает по спине, а каждый шорох, каждый отблеск света казался ему предвестником чего-то ужасного. Он представлял себе, как эта рука, скрытая от глаз, пульсирует, как в ней что-то растет, что-то чужеродное, что-то, что он не мог контролировать.

Добравшись до душевой, Юнамо, не задумываясь, скинул с себя больничную пижаму. Холодный воздух коснулся его обнаженной кожи, но он не обратил на это внимания. Он шагнул под струи горячей воды, которая обжигала кожу, но

не могла смыть гнетущее чувство, которое сковало его изнутри. Он закрыл глаза, пытаясь разобраться в происходящем, но ответы ускользали, оставляя лишь вопросы. Было ли это реально? Или все это лишь плод его больного воображения, порождение его страхов и тревог?

Выйдя из душа, Юнамо выдохнул, словно впервые за долгое время смог вдохнуть полной грудью. Он завернулся в мягкое полотенце и подошел к большому зеркалу, висевшему на стене. В отражении он увидел себя — бледного, изможденного отражение, но что-то было не так. Его глаза, казалось, смотрели на него с чуждой, холодной отстранённостью, а лицо — словно маска, искажённая тонкой трещиной безумия. Взгляд Юнамо застыл на этом отражении, и вдруг в глубине зеркала что-то дрогнуло, словно тень, пробежавшая по поверхности воды.

«Что с тобой?» — вырвался из него хриплый крик, голос дрожал от ужаса и непонимания. — «Кто ты? Что ты хочешь от меня?!»

Отражение не ответило. Оно лишь продолжало смотреть, неподвижное и безмолвное, словно зеркало стало порталом в чужой мир, где живёт не он, а кто-то другой — холодный, безжалостный и чуждый. Юнамо почувствовал, как внутри что-то рвётся, как будто его разум пытается вырваться из плена собственного тела.

«Ну же!» — он кричал, бьась кулаками по стеклу, но звук был глухим, отражение не менялось, не дрогнуло, не отсту-

пило. Оно было там, и оно было частью него, но одновременно и не он.

Схватившись за голову, Юнамо рухнул на пол, колени вдаваясь в холодный кафель, и слёзы, наконец, прорвались из глубины души, катясь по щекам, словно реки отчаяния. Он не понимал, что с ним происходит, не мог осознать, где заканчивается реальность и начинается бездна безумия. Внутри всё горело и рушилось, словно мир, который он знал, разваливался на куски, оставляя лишь пустоту и страх.

Его взгляд, затуманенный слезами, снова упал на зеркало. Там, в отражении, всё ещё стоял тот чужой, холодный образ, который не был им, но был частью его. Он казался живым, дышащим, наблюдающим, словно ждал, когда Юнамо сдастся, когда он перестанет бороться. И в этот момент, в глубине сознания, промелькнула мысль — а что если это не отражение? Что если это кто-то другой, кто-то, кто давно поселился внутри, но теперь решил заявить о себе?

Сердце билось бешено, дыхание сбивалось, и казалось, что стены комнаты сжимаются, давят, лишая воздуха. Юнамо хотел кричать, звать на помощь, но голос застрял в горле, превратившись в беззвучный вопль. Он чувствовался пленником собственного ужаса, затерянным в лабиринте разума, где каждая тень казалась живой, а каждый звук — предвестником неминуемой гибели.

Он сидел на холодном полу, сжимая голову в руках, пытаясь заглушить внутренний голос, который шептал ему о

безумии, о том, что он уже не тот, кем был раньше. Взгляд его метался между отражением и пустотой комнаты, словно пытаясь найти опору в этом зыбком мире. Но зеркало не давало покоя — оно было как окно в другую реальность, где он был лишь тенью самого себя, и эта тень смотрела на него с презрением и холодом.

«Кто ты?» — снова прошептал он, голос едва слышен, но наполнен отчаянием. Ответа не было. Лишь молчание и холодное стекло, отражающее его собственное лицо, искажённое страхом и болью...

Пару дней спустя, когда Юнамо выписали из больницы, он с головой окунулся в учебу. Воздух колледжа, наполненный оживленными разговорами, смехом и запахом свежесваренного кофе, казался таким знакомым и успокаивающим. Каждый шаг по гулким коридорам, каждый взгляд, брошенный на знакомые лица, наполнял его тихой, но глубокой радостью. Он чувствовал себя частью этого бурлящего социума, и это было прекрасно. Это было возвращение к жизни, к нормальности, которую он так ценил.

Внезапно пронзительный звонок разорвал утреннюю суету, и студенты, словно по невидимой команде, расселись по местам. В класс вошел учитель Тэцую Огата. Его обычно спокойный голос сегодня звучал с особой серьезностью, проникая в самые уголки аудитории.

«Ребята,» — начал он, обводя взглядом ряды студентов, — «скоро выпуск. И вам предстоит успешно сдать все эк-

замены.» Его взгляд остановился на Юнамо, который, казалось, был погружен в свои мысли, не отрывая взгляда от своей руки. «Без исключений.»

Юнамо, казалось, не услышал слов учителя. Огата повысил голос, его тон стал более настойчивым: «Юнамо!»

«Прошу прощения, господин Огата,» — быстро ответил Юнамо, наконец подняв глаза, в которых мелькнула тень растерянности. — «Такого больше не повторится.»

Но едва он произнес эти слова, как его внимание снова ускользнуло. Он снова уставился куда-то в пространство, словно потерянный в лабиринтах собственных мыслей, не слушая учителя. Вдруг его взгляд случайно встретился с взглядом учительницы, сидевшей неподалеку. В ее глазах было что-то странное, что-то настолько чуждое и пугающее, что Юнамо резко испугался, словно увидел отражение чего-то запретного. Он поднял руку, его пальцы дрожали, прося разрешения выйти. Учительница, с явным гневом, сжав губы, кивнула.

Опустив взгляд, Юнамо покинул кабинет, чувствуя на себе взгляды однокурсников. Он направился на крышу школы, туда, где всегда находил уединение. Там его ждала Сузуки Рёта, ее силуэт был виден на фоне серого неба.

«Привет,» — тихо сказала Сузуки, когда Юнамо подошел, ее голос был полон нежности. — «Ты как? Все хорошо?»

«Нормально,» — ответил Юнамо, присаживаясь рядом, чувствуя прохладу металла на коже. — «Слушай, я тут поду-

мал... Сора Ямадо, кажется, испытывает чувства к Химари Аямэ. Но она его отвергает, потому что любит Рэйки, звучит смешно, не так ли?

Сузуки с недоумением кивнула, ее взгляд был полон сочувствия и не понимания. Она знала, как тяжело бывает с неразделенной любовью, но не понимала почему Юнамо начал разговор с этого.

«Я согласился помочь Соре,» — продолжил Юнамо, его голос стал тише, а взгляд снова опустился на его руку. — «Даже не раздумывая.»

На лице Сузуки отразилась легкая грусть. Она видела, как Юнамо погружается в свои переживания. «Все хорошо?» — спросила она, заметив его состояние, ее голос был полон заботы.

Юнамо расширил глаза и резко повернулся к ней, словно пробудившись от сна. «Сузуки, я изменился?»

Девушка с недоумением посмотрела на него, ее брови слегка приподнялись. «Что за глупости? С чего ты это взял? Ты все тот же Юнамо, которого я знаю.»

Юнамо снова опустил взгляд, его слова стали тише, почти шепотом. «Просто... не бери в голову. Наверное, я слишком много думаю.»

Сузуки почувствовала укол вины. «Прости, если я что-то не так сказала. Я просто... волнуюсь за тебя.»

Юнамо кивнул, но его взгляд был устремлен куда-то вдаль, за горизонт. «Знаешь, Сузуки... иногда мне кажется,

что в мире что-то произошло. Что-то очень странное. Убийства, эта инфекция... Все это так внезапно, так необъяснимо. Будто кто-то дернул за ниточку, и реальность пошла наперекосяк.»

Сузуки задумчиво посмотрела на него. «Я не замечаю никаких изменений, Юнамо. Все как обычно. Люди ходят на работу, учатся, смеются. Может, ты просто устал?»

Внезапно Юнамо резко отстранился от нее, словно его что-то толкнуло. «Не знаю... Еще встретимся. Мне пора.» Он быстро встал и побежал в сторону уборной, оставив Сузуки одну на крыше.

«Еще встретимся...» — грустно прошептала она, провожая его взглядом.

Заперевшись в кабинке туалета, Юнамо сбросил рукав. Его взгляд упал на руку, ту самую, которая так часто привлекала его внимание. С глухим стоном он начал бить ею об стену, снова и снова, пока кожа не начала кровоточить. «Ну же, покажись сейчас!» — выкрикнул он в пустоту, но в ответ была лишь тишина.

Обессиленный, он сполз по стене и присел на пол, чувствуя, как его охватывает отчаяние. Вдалеке послышался звонок, возвещающий о начале следующей пары. Юнамо поднял голову, и его сердце замерло. Перед ним, словно выросший из его же спины, висело огромное, пульсирующее глазное яблоко. Оно медленно моргнуло, и затем, с пугающей плавностью, начало ускользать за его спину.

Испуганный до дрожи, Юнамо резко вскочил. «Кто ты?!» — крикнул он, но существо уже исчезло. Он выбежал из туалета, лихорадочно умываясь холодной водой, пытаясь смыть с себя страх и ощущение чужого присутствия. Затем, собравшись с силами, он направился обратно в класс.

Не понимая, что с ним происходит, Юнамо пошел искать Рэйки. Он нашел его в коридоре, разговаривающим с Сорой Ямадо.

«Я слышал, что в Рукогане появилась какая-то странная инфекция,» — говорил Рэйки, его голос звучал обеспокоенно. — «Но об этом никто не говорит. Все делают вид, что ничего не происходит.»

Юнамо, услышав это, почувствовал, как его охватывает волна понимания. Его друзья тоже слышали об этом. Он подошел к ним, его голос звучал напряженно. «Вы тоже об этом слышали?»

Рэйки повернулся к нему, его взгляд был полон спокойствия. Он положил руку на плечо Юнамо. «Не беспокойся, Юнамо. Даже если мир и пойдет к черту, я всегда буду рядом, чтобы защитить тебя.»

Сора улыбнулся, но в его глазах мелькнула тень беспокойства. «Да, мы с тобой, Юнамо. Мы справимся.»

«Кстати,» — продолжил Сора, — «вы уже решили, куда будете поступать после окончания школы?»

Юнамо улыбнулся, его взгляд стал решительным. «Я хочу пойти в полицейский отдел, в следственный. Моя цель —

стать детективом и разобраться с этими странными исчезновениями и убийствами. Необходимо найти ответы.»

Сора рассмеялся, но его смех был немного нервным. Он взглянул на Рэйки, который смотрел на него с легким укором. Сора тут же замолчал.

«Это отличная цель, Юнамо,» — сказал Рэйки, его голос был твердым и уверенным. — «И я тебя поддержу. Сейчас никому нельзя доверять. Если ты поступишь в следственный отдел, у нас будет шанс изменить ситуацию в Рукогане. Мы сможем что-то сделать.»

Рэйки протянул ладонь. Сора и Юнамо, не задумываясь, положили свои руки на его ладонь, чувствуя тепло и силу дружбы. Но вдруг Сора резко отдернул руку.

«Что это?» — воскликнул он, его лицо исказилось от шока. На его ладони была странная, полупрозрачная слизь, будто кто-то только что облизнул его руку. Он в ужасе посмотрел на Юнамо. «Юнамо, что с твоей рукой?»

Юнамо, покраснев, быстро опустил взгляд. «Прости, Сора. Я... я недавно мыл руки. Возможно, осталась влага.» Он попытался улыбнуться, но улыбка получилась натянутой.

Друзья удивленно переглянулись, но, видя его смущение, успокоились. В этот момент прозвенел звонок, возвещающая о начале следующей пары.

«Нам пора,» — сказал Рэйки, его взгляд все еще был полон решимости. — «Но мы еще поговорим об этом.»

Друзья разошлись, каждый погруженный в свои мысли.

Юнамо шел по коридору, чувствуя, как холодный пот стекает по его спине. Он не мог отделаться от ощущения, что что-то не так. Не только с ним, но и с миром вокруг. Эта слизь на руке Соры... это было не просто влага. Он знал это. И он знал, что его путь детектива будет куда более опасным, чем он мог себе представить...

Уже после занятий вечерний воздух, густой и пропитанный запахом готовящегося ужина, окутал Юнамо, когда он переступил порог родного дома. В гостиной, освещенной теплым светом настольной лампы, сидел его отец, погруженный в бумаги, словно в другой мир. У плиты, словно фея домашнего очага, хлопотала Момока, ее движения были легкими и уверенными, а кухня наполнялась дразнящими ароматами.

«Привет, пап,» — голос Юнамо прозвучал сухо, как шелест осенних листьев, не поднимая глаз от пола.

Отец, не отрываясь от своих бумаг, ответил: «Привет, сынок. Как дела?»

«Нормально,» — коротко бросил Юнамо, уже направляясь к лестнице.

Момока, обернувшись, с лучезарной улыбкой обратилась к нему: «Юнамо, ужин почти готов! Иди сюда, садись за стол. Я приготовила твое любимое карри!»

«Не хочу,» — отрезал Юнамо, его голос был лишен всяких эмоций. «Я устал.»

Он поднялся на второй этаж, бросил сумку на пол с глу-

хим стуком и рухнул на кровать. Тишина комнаты, казалось, давила на него, но даже она не могла заглушить внутренний хаос, бушующий в его душе. В кармане завибрировал телефон, нарушая звенящую тишину. Сообщение. Экзамен. Пересдача. В любом случае. Огорчение накатило волной, словно холодный душ.

«Неужели все так плохо? Я не справлюсь...» — пронеслось в голове Юнамо. «Я всегда был уверен в себе, но теперь... это провал. Полный провал.»

Он встал, подошел к столу, включил ноутбук. Лекции. Странно, но слова ложились в голову легко, будто сами собой. Запоминалось все, как никогда раньше. Буквы и цифры складывались в стройные ряды, образуя четкие картины в его сознании.

«Что происходит? Эта болезнь... она делает меня умнее? Или это что-то другое? Что это за существо в моей руке? Оно контролирует меня? Я опасен? Как я буду жить дальше? Мое будущее... оно разрушено.» — мысли метались, терзая его, словно стая голодных птиц. «Я чувствую его... это странное тепло, пульсация. Оно живое. И оно во мне. Что, если оно возьмет верх? Что, если я перестану быть собой?»

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появилась Мо-мока в пижаме, ее глаза были полны беспокойства.

«Юнамо, я брала твою энциклопедию. Вот, возвращаю,» — сказала она, протягивая толстую книгу с потрепанной обложкой. «Ты какой-то грустный сегодня. Все в порядке?»

Юнамо лишь кивнул, не глядя на нее, его взгляд был прикован к стене. «Спасибо. Можешь идти.»

Момока, почувствовав холод, исходящий от брата, молча вышла, закрыв за собой дверь. Юнамо упал на кровать, закрыв лицо руками. Решение пришло само, как темная тень, окутавшая его сознание.

Юнамо просидел пару тройку часов глядя в потолок. Глубокая ночь. Все было готово. Мысли о существе, о мнении общества, о своей непохожести — все это давило, загоняя в бездну отчаяния.

«Я не такой, как все. Или наоборот, я уникален? Неважно. Я не могу так больше. Этот мир не готов ко мне. И я не готов к нему.» — шептал он себе под нос, его голос дрожал. «Эта рука... она чужая. Она не моя. Я чувствую ее силу, ее потенциал. Но это не моя сила. Это... это монстр. И я не хочу быть монстром. Я хочу быть нормальным. Но я больше никогда не буду нормальным.»

Он закрепил веревку на потолке, ее грубая текстура царапала кожу. Петля, туго натянутая на его шее, казалась единственным выходом. Встав на стул, он откинул его. Мир начал меркнуть, воздух стал тяжелым, каждый вдох — мучительным.

Внезапно одна из его рук начала растягиваться. Мягкие ткани преобразились в острое лезвие, сверкающее в тусклом свете луны. Оно с невероятной скоростью срубило веревку. Юнамо упал на пол, тяжело дыша, его легкие горели. Рука

снова деформировалась, но теперь вместо обычного глаза на ней появился рот, полный острых зубов. Юнамо вскрикнул, его крик был полон ужаса и непонимания.

«Чего это ты задумал?» — прозвучал голос, но не из его горла, а откуда-то из глубины его существа, из той самой руки, что только что спасла его. Голос был низким, рокочущим, словно шепот древних камней.

Юнамо отшатнулся, прижимаясь к стене, его сердце колотилось в груди, как пойманная птица. Он смотрел на свою руку, на этот чудовищный рот, который теперь открывался и закрывался, словно живой организм. Страх сменился каким-то странным, извращенным любопытством...

6 Глава: «Истинное лиц... Что это?!»

Под тусклым светом луны, пробивающимся сквозь пыльное стекло, город жил своей обычной ночной жизнью. Неоновые вывески лениво моргали, редкие машины шуршали шинами по асфальту, словно призраки, скользящие по безмолвным улицам. Но в тихом доме семьи Мицуками, в комнате Юнамо, эта иллюзия спокойствия была разорвана в клочья. Воздух сгустился, стал тяжелым и вязким, словно пропитанным первобытным страхом, который проникал в самые глубины души. Каждый скрип половицы отдавался в ушах оглушительным эхом, а тени в углах извивались, принимая гротескные, нечеловеческие формы, словно сама тьма решила поиграть с его разумом.

Внезапно тишину пронзил сдавленный, полный ужаса

вскрик. Юнамо смотрел на свою правую руку, и его разум отказывался верить глазам. Кожа на ней пошла волнами, словно поверхность воды, потревоженная невидимым ветром. Кости затрещали, изгибаясь под неестественными углами, издавая звуки, которые навсегда врезались в его память. Плоть плавилась и перестраивалась, словно глина в руках безумного скульптора, создающего нечто чудовищное. Через несколько мучительных секунд на месте его кисти возникло нечто невообразимое — маленькое, гротескное существо, сотканное из его собственных тканей, с двумя блестящими, как бусины, глазами, в которых отражался весь ужас происходящего. Миллионы вопросов роились в голове парня, каждый безумнее предыдущего. Как это возможно? Как живая материя может так менять свою структуру? Что это, черт возьми, такое?

Ошарашенный, Юнамо поднял взгляд и встретился с глазами чудовища, которое было его рукой. В этих глазах не было ни злобы, ни ненависти, лишь странное, первобытное любопытство.

«Что зришь?» — проскрипел голос, одновременно чужой и смутно знакомый, будто исходящий из глубин его собственного тела, словно эхо его собственных мыслей, искаженное неведомой силой.

«Ты... ты говоришь?» — пролепетал Юнамо, отшатываясь, его голос дрожал от неверия и страха.

«А что, не похоже?» — существо повертело своей урод-

ливой головой, словно пытаюсь рассмотреть себя со всех сторон. — «Сам в шоке, если честно. Я не помню, как здесь оказался. Последнее, что было... пустота. А потом — бац! — я внутри тебя. Будто я стал жертвой какой-то жуткой метаморфозы, только наоборот. Как будто я — это ты, но не совсем.»

«Невозможно! Этого не может быть! Я сплю, это просто кошмар!» — Юнамо вскочил, его сердце колотилось о ребра, как пойманная птица, стремящаяся вырваться на свободу. Он ощущал холодный пот, стекающий по вискам, и дрожь, пробегающую по всему телу.

«О, нет, парень, ты не спишь. И знаешь что? Тебе безумно повезло.» — существо издало звук, похожий на сухой, скрипучий смешок, который заставил Юнамо поежиться. — «Повезло, что ты еще не потерял себя полностью.»

Юнамо вопросительно уставился на свою искаженную конечность, пытался понять, что имеет в виду это нечто.

«Повезло?» — повторил он, его голос звучал хрипло. — «Ты превратил мою руку в... в это! И ты говоришь, мне повезло?»

Существо, которое теперь Юнамо мысленно окрестил «Глоуи», усмехнулось, и эта усмешка была настолько чуждой, что казалось, будто сама реальность искажается вокруг нее.

«Ну, смотри.» — Глоуи указал на свою новую «руку», которая теперь была скорее похожа на причудливый нарост,

чем на человеческую конечность.

«Ты попал в мой организм через слизь слизняка, да? Или, может, через грязные руки, как мелкая паразитическая бактерия?» — спросил Юнамо.

Глоуи улыбнулся, а затем пробормотал:

«Не зря говорят: „Мойте руки, дети мои“. Это не просто слова, это закон выживания.»

Юнамо поморщился. Шутка была настолько неуместной и жуткой, что он не знал, как на нее реагировать.

«Я не понимаю, — пробормотал он, пытаясь собраться с мыслями. «Кто ты такой? Как ты можешь так... меняться?»

«Вот это хороший вопрос, — Глоуи склонил голову, и его глаза блеснули в полумраке. — «Я сам не знаю. Я не помню, кем был раньше. Я просто... есть. Моя единственная цель — выживание. И, как я уже сказал, тебе повезло. Твой микробиом кожи, твоя кровь... они какие-то особенные. Редкие. Из-за этого я не смог полностью захватить твое тело и разум. Ты остался собой, а я... я просто существую внутри тебя.»

Юнамо рассмеялся. Это был нервный, истерический смех, который быстро перешел в отчаяние. Он резко встал, его взгляд упал на бритву, лежащую на туалетном столике. В порыве безумия он схватил ее и с силой провел по своей руке, той самой, что превратилась в Глоуи.

«Нет! Я не позволю тебе!» — крикнул он, но прежде чем лезвие успело нанести глубокий порез, другая его рука, левая, внезапно дернулась и с силой ударила его по лицу. Юна-

мо отлетел назад, ударившись о стену. Кровь хлынула из раны на руке, но через мгновение, на глазах у изумленного парня, она начала затягиваться, оставляя лишь тонкую, едва заметную линию.

«Я же сказал, я не дам тебе убить меня.» — прозвучал голос Глоуи, теперь уже более уверенный, почти властный. — «Я контролирую все тело. Ты — моя оболочка.»

Юнамо выдохнул, пытаясь унять дрожь. Он снова посмотрел на свою руку, на это нечто, что стало частью его самого. «Нереально», — пронеслось в голове. Но потом, в тишине, нарушаемой лишь его собственным учащенным дыханием, он начал понимать. Понимать, почему Глоуи его спас. Он не хотел умирать. Он хотел жить. И для этого ему нужен был Юнамо.

Он медленно опустился в кресло, его взгляд снова встретился с глазами Глоуи. Существо смотрело на него, и в его взгляде читалось что-то похожее на... ожидание?

«Как тебя зовут?» — спросил Юнамо, его голос был тихим, но твердым.

«Зовут?» — переспросил Глоуи, в его голосе прозвучало недоумение.

«Да, имя. У каждого человека должно быть имя. Это... это то, что делает нас нами.»

«Я не человек.» — возразил Глоуи, и в его словах не было ни тени сомнения.

Юнамо положил ладонь на лицо, словно пытаясь удержать

ускользающую реальность. «Хорошо,» — сказал он, его голос был полон усталости и смирения. — «Тогда я дам тебе имя. С этого момента тебя будут звать Глоуи.»

В тот же миг рука Юнамо снова начала трансформироваться. На этот раз процесс был более контролируемым, словно существо подчинялось его воле. Из плоти и кости, словно из глины, вылепилось маленькое, почти детское существо, похожее на миниатюрную, светящуюся фигурку. Оно было прозрачным, с мягким, пульсирующим светом внутри, и его глаза, такие же блестящие, как у его «родителей», смотрели на Юнамо с нескрываемым любопытством.

Юнамо открыл ноутбук, его пальцы дрожали, когда он набирал поисковые запросы. «Паразитические бактерии с разумом», «симбиоз с человеком», «трансформация тканей». Но все было напрасно. Никакой информации, которая могла бы объяснить существование Глоуи, не находилось. Он был уникален, а значит, и его история была неизвестна.

«Знаешь, Глоуи,» — начал Юнамо, его голос был задумчивым, — «я тут подумал. Если ты — это бактерия, которая попала в мой организм, то... может быть, и те люди, которые пропадают... они тоже заражены? Может, они не маньяки, а просто жертвы таких же, как ты, бактерий, которые убивают других, чтобы выжить?»

Глоуи, теперь уже в своей новой, крошечной форме, сидел на плече Юнамо, его свет мягко пульсировал. Он задумался, его крошечная головка склонилась. «Это возможно,»

— прошептал он, его голос был похож на шелест листьев. — «Жизнь всегда ищет пути к выживанию. И если для этого нужно поглощать другую жизнь... то почему бы и нет? Но я не могу дать тебе точный ответ. Моя память — это лишь обрывки, а мое существование — это борьба за каждый миг.»

Внезапно дверь комнаты скрипнула, и в проеме появился отец Юнамо. Глоуи мгновенно деформировался обратно в руку, став неотличимым от обычной конечности.

«Юнамо? Ты еще не спишь?» — спросил отец, его голос был мягким, но в нем чувствовалась легкая усталость. — «Я слышал, ты с кем-то разговаривал.»

Юнамо вздрогнул, но быстро взял себя в руки. «А, это... телефон звонил, пап. Я просто отвечал на сообщение.» Он постарался, чтобы его голос звучал как можно более естественно.

Отец кивнул, не выказывая подозрения. Он протянул Юнамо пакет. «Вот, твоя форма. Завтра рано вставать.»

«Спасибо, пап,» — Юнамо взял пакет, чувствуя облегчение от того, что его нераскрытая тайна осталась нетронутой. — «Спокойной ночи.»

«И тебе,» — отец улыбнулся и вышел из комнаты, оставив Юнамо наедине с его новой реальностью.

Юнамо снова посмотрел на свою руку. Глоуи не проявлялся. Он был там, внутри, невидимый, но всемогущий. Юнамо начал перебирать в голове все возможные варианты. Он был под полным доминированием неизвестной бактерии, кото-

рая обладала собственным разумом. Никто не знал, что творится в ее голове, какие цели она преследует на самом деле. И самое страшное — Глоуи мог появиться в любой части его тела. Его клетки размножились настолько быстро, что теперь они были повсюду, кроме головы. Отныне Юнамо был единственным человеком, который знал правду о пропавших людях...

Том 2

7 Глава: «Волк в овечьей шкуре.»

Аудитория опустела. Тусклый свет уличных фонарей пробивался сквозь жалюзи, рисуя на партах длинные полосы. Сисори Нагасаки уже собиралась выйти, когда услышала тихий, но настойчивый голос преподавателя:

«Нагасаки, останься на минуту. Нужно обсудить твою курсовую.»

Она обернулась. Тэцуя Огата стоял у кафедры, неподвижный, словно тень, забывшая, что должна двигаться вместе с телом. Его глаза были слишком холодными, слишком пустыми.

«Конечно.» — ответила Сисори, стараясь улыбнуться, но улыбка застряла где-то в горле.

«Ты чувствуешь это, правда?» — тихо произнёс он, делая шаг вперёд. — «Что-то здесь не так.»

«О чём вы?» — нахмурилась девушка, пытаясь понять, что происходит.

Тэцуя поднял взгляд, и в его глазах мелькнуло нечто чуждое — не отражение света, а живое, пульсирующее. Внезапно звук сердца, гулкий и неправильный, заполнил комнату. Тело преподавателя словно начало распадаться изнутри, и из

трещины на груди вылезло нечто, что не должно существовать.

«Господин Огата... что вы...» — голос Сисори дрогнул.

«Люди слишком глупы, слишком хрупки...» — прошептал он, вдруг, его тело начало разделяться на две части. Из середины груди, где стучало сердце, вырос огромный глаз с щупальцами, которые медленно, но неумолимо начали обхватывать Сисори.

«Нет!» — закричала она, пытаясь вырваться, но щупальца крепко сдержали её. Один за другим, они отрывали её конечности с отвратительным хрустом, который заглушался её собственными криками. Кровь брызнула на пол, на парты, на стены, окрашивая тусклый свет в кроваво-красные оттенки.

«Аха-ха-ха!» — раздался из глубины разверзшейся плоти чудовищный смех. «Ты станешь идеальным обедом для меня, маленькая глупышка! Твоя хрупкость так... аппетитна!»

Сисори чувствовала, как её тело разрывается на части, как жизнь утекает из неё вместе с кровью. Страх, чистый, первобытный страх, сковал её, не давая даже возможности молить о пощаде. Последнее, что она увидела, был этот огромный, пульсирующий глаз, смотрящий на неё с ненасытным голодом.

Когда всё закончилось, от Сисори Нагасаки остались лишь окровавленные обрывки, которые чудовище начало жадно поглощать. Звуки чавканья и хлюпанья заполнили опустевшую аудиторию, смешиваясь с остатками её пред-

смертных криков. Тэцуя Огата, или то, что от него осталось, наслаждался трапезой, его тело, искажённое и чудовищное, пульсировало от насыщения.

Спустя время, когда от ученицы не осталось и следа, кроме пятен крови, чудовище начало медленно возвращаться в прежнюю форму. Искажённые черты лица Тэцуи Огаты вновь обрели человеческий облик, но в глазах остался тот же холодный, хищный блеск. Он вытер губы тыльной стороной ладони, на которой ещё оставались следы крови.

«Людишки...» — прошептал он, оглядывая аудиторию, теперь уже чистую, словно ничего и не произошло. «Слишком глупы. Слишком хрупки. И такие... вкусные.»

Он усмехнулся, чувствуя приятную тяжесть в желудке. Ещё один день, ещё один урок. И ещё один студент, который не понял, что некоторые преподаватели не просто учат, а... питаются. Он поправил воротник рубашки, словно ничего не произошло, и направился к выходу, оставляя за собой лишь запах крови и тишину, которая теперь казалась ещё более зловещей...

**

Резкий стук в окно вырвал Юнамо из объятий сна. Он медленно открыл глаза, потирая их, словно пытаясь стряхнуть остатки вчерашнего дня, который казался теперь каким-то далеким и нереальным. Взгляд скользнул по комнате, и тут он заметил Глоуи — существо, живущее внутри него, растянувшееся по всей комнате, словно тень, которая вдруг

ожила. Глоуи с увлечением листал хентай-мангу, страницы которой были наполнены откровенными сценами, вызывая у Юнамо одновременно смущение и недоумение.

«Что за...?!» — вырвалось у Юнамо, глаза расширились. — «Убери это немедленно!»

Глоуи издал тихий смешок, который эхом разнесся по комнате, а затем, словно растворяясь в воздухе, слился обратно с телом Юнамо. Тот остался сидеть на кровати, не в силах поверить в происходящее.

*Неужели это всё реально?» — пробормотал он, глядя в пустоту.

Внезапно голос Глоуи раздался изнутри, глубокий и одновременно игривый.

«Реальность, Юнамо,» — начал он, — «это всего лишь иллюзия, сотканная из наших восприятий. Ты удивляешься моим увлечениям? А что же тогда говорить о вас, людях?»

Форма Глоуи начала меняться: сначала он превратился в пульсирующий сгусток энергии, который переливался всеми цветами радуги, затем растянулся в длинную, извивающуюся ленту, словно живой шёлк, а потом сжался в нечто напоминающее глаз, который внимательно смотрел на Юнамо.

«Вы — существа извращённые,» — продолжил Глоуи, его голос теперь звучал словно эхо из глубин сознания. — «Вы, люди, готовы пойти на всё ради минутного удовольствия, ради мимолётного наслаждения. Сексуализация — лишь верхушка айсберга вашей природы. Вы превращаете всё в товар,

в объект, в средство для удовлетворения своих желаний. Даже любовь для вас — это игра, спектакль, маскарад. А я? Я лишь отражение ваших самых тёмных сторон, воплощение того, что вы боитесь признать в себе.»

Юнамо молчал, погружённый в мысли. Он не мог не согласиться. В мире, где каждый стремится к сиюминутному счастью, где чувства часто подменяются поверхностными связями, слова Глоуи звучали как горькая правда.

«Но почему ты так уверен, что это именно так?» — наконец спросил он, глядя на деформирующуюся фигуру. — «Может, есть и другая сторона? Что-то светлое, что-то настоящее?»

Глоуи медленно сжался, превращаясь в привычную форму — глаз и рот, которые теперь расположились на левой руке Юнамо.

«Светлое?» — усмехнулся он. — «Возможно. Но свет не существует без тени. Без тьмы, которая его порождает. Ты хочешь верить в светлое, в добро, в смысл? Это естественно для человека — искать опору, надежду. Но я вижу мир иначе. Мир — это бесконечный цикл разрушения и создания, страсти и боли, желания и страха. И в этом хаосе люди — самые извращённые создания. Вы не просто сексуализируете всё вокруг для удовлетворения своих прихотей. Ваши тела — это поле битвы между желанием и страхом, между свободой и рабством собственных инстинктов.»

Глоуи растянулся, его форма стала похожа на клубок тём-

ных нитей, которые медленно распутывались, образуя силуэт человека, но с искажёнными, почти карикатурными чертами.

«Посмотри на себя, Юнамо. Ты — носитель меня, существа, которое живёт внутри тебя, но ты сам — продукт этого мира. Ты боишься, сомневаешься, ищешь смысл там, где его нет. Люди придумали себе идеалы, мораль, цель — жить во благо земли, защищать природу, создавать что-то вечное,» — голос Глоуи стал мягче, почти задумчивым. — «Но это всё иллюзии, созданные для того, чтобы заглушить пустоту внутри. Истинной причины, по которой мы здесь, нет. Нет великого плана, нет высшего смысла. Есть только время — бесконечное течение, которое поглощает всё, что мы называем жизнью. Земля не заботится о нас, она просто существует, как и мы. Мы — лишь случайные вспышки в её бескрайнем существовании.»

Глоуи замер, словно собираясь с мыслями, а затем продолжил:

«Время — это единственное, что действительно реально. Всё остальное — лишь тени, отражения в зеркале. Ты боишься, что потеряешь смысл, что останешься один в этом хаосе. Но именно в этом и есть свобода. Свобода признать бессмысленность и всё равно идти вперёд. Люди боятся смерти, боятся забвения, но смерть — это просто переход, часть цикла. И если ты сможешь принять это, то перестанешь быть рабом своих страхов.»

Юнамо слушал, чувствуя, как внутри него что-то меняется — словно невидимые нити, связывающие его с самим собой, натягивались и рвались одновременно. Он не мог оторвать взгляда от глаз и рта, которые теперь спокойно расположились на его левой руке, словно наблюдая за ним с тихим любопытством.

«Ты говоришь, что нет смысла,» — наконец произнёс Юнамо, — «Но если всё бессмысленно, то зачем тогда бороться? Зачем пытаться что-то изменить, если в итоге всё равно всё исчезнет?»

Глоуи улыбнулся — или, по крайней мере, то, что можно было принять за улыбку в его странной форме.

«Борьба — это то, что делает тебя живым, — ответил он, голос стал мягче, почти ласковым. — «Даже если нет высшего смысла, даже если всё — лишь игра теней, ты выбираешь, как играть. Ты можешь сдаться и раствориться в пустоте, а можешь создать свою собственную правду, свой собственный свет. Это и есть свобода — не искать смысла вовне, а создавать его внутри себя.»

Юнамо задумался. Внутри него словно вспыхнул маленький огонёк, который Глоуи помог разжечь. Но тут его мысли прервала новая волна звуков — скрип открывающейся двери и приглушённый шум улицы — вернули Юнамо в реальность. Он взглянул на часы — время поджимало, и опоздание в колледж было уже неминуемо. Вздохнув, он резко поднялся с кровати, чувствуя, как тело наполняется лёгкой тре-

вогой и одновременно странным спокойствием, словно после долгого внутреннего диалога с самим собой.

Окно распахнулось, впуская свежий утренний воздух, наполненный запахом мокрого асфальта и цветущих деревьев. Свет мягко заливал комнату, играя на стенах и мебели, создавая атмосферу обычного, ничем не примечательного дня. Юнамо надел куртку, взял рюкзак и направился к двери, чувствуя, как Глоуи, словно тень, скользнул по его телу и вырастил около шеи тонкий, извивающийся отросток — почти как ожерелье из живой материи.

«Слушай.» — тихо начал Юнамо, глядя на странное образование, — «Если твои собратья прибыли сюда с целью истребления людей, значит, у нас есть полное право дать отпор, правда?»

Глоуи тихо рассмеялся, его голос звучал холодно и безжалостно: «Наш род силён и почти бессмертен, мы способны принимать любые формы и переживать любые испытания. Победить нас невозможно, потому что мы — сама суть выживания и эволюции. Но твоя злоба — это искра, которая может стать началом борьбы, хоть и обречённой. Пока ты жив, надежда ещё не умерла.» Юнамо сжал кулаки, решимость горела в глазах — если человечество должно погибнуть, он сделает всё, чтобы отложить этот конец.

Внезапное прикосновение к плечу заставило Юнамо обернуться. Его сердце, и без того учащенно бившееся от тревожных мыслей, на мгновение замерло. Перед ним стоял Сора

Ямадо, его обычно живое лицо омрачила глубокая печаль, словно туча закрыла яркое солнце.

«Юнамо,» — начал он тихим, дрожащим голосом, который, казалось, нес в себе всю тяжесть мира. — «Сисори Нагасаки пропала. Просто исчезла, будто растворилась в воздухе. Её родители в полном отчаянии, они не знают, что делать.»

Юнамо застыл, шокированный до глубины души. Слова Соры ударили его, как ледяной душ, смывая остатки спокойствия. Мысли, до этого хаотично роившиеся в голове, вдруг обрели зловещую ясность. Все эти странные исчезновения в последнее время... Неужели за всем этим стоят «Несущие»? Эта мысль была настолько ужасающей, что казалась нереальной, но одновременно и пугающе правдоподобной. Сора вопросительно взглянул на него, его глаза, полные тревоги, искали хоть какой-то ответ, хоть какую-то надежду. Юнамо лишь кивнул, не в силах произнести ни слова, предлагая идти дальше. Оставшийся путь они преодолели в гнетущем молчании, каждый погруженный в свои мрачные размышления.

Юнамо размышлял, пытаясь найти выход из этого кошмара. Как остановить эти убийства? Ведь они, люди, хозяева этой земли, её создатели. Неужели они готовы отдать всё, что построили, всю красоту, созданную природой, каким-то чужакам, чья единственная цель — просто существовать...? Но ведь у людей та же цель — жить, развиваться, оставлять

свой след. Может, эти «несущие» были созданы, чтобы защищать землю от чего-то более страшного? Эта мысль была слишком сложной, слишком запутанной, особенно учитывая их напряженные, почти враждебные отношения с Глоуи.

Стоп. Внезапно в его сознании вспыхнула искра. Если Глоуи испытывает ненависть к людям, почему он не убил его самого? Ведь у него была такая возможность, не раз. В этом, кажется, и крылся ответ, такой простой и одновременно такой пугающий.

«Точно!» — воскликнул Юнамо, словно озаренный внезапным прозрением. Его голос прозвучал слишком громко в тишине, заставив Сору вздрогнуть.

Сора удивленно посмотрел на друга, его печальное лицо на мгновение осветилось любопытством. Юнамо лишь усмехнулся, отмахнувшись: «Не обращай внимания. Просто... пришла мысль.» Он снова погрузился в свои размышления, пытаясь уложить все кусочки головоломки. Глоуи дважды спас ему жизнь. Значит, это было ему выгодно. Но если и в других людях таится «несущий», то их слабое место — это убийство тела, в котором они обитают. Конкретно... Мозга? Или сердца? Неизвестно. Без тела они не могут существовать, но их деформированные конечности, их невероятная сила и скорость превосходили любое человеческое оружие. Теория для уничтожения «несущих» уже была готова, но как применить её на практике? Как найти их, как добраться до их уязвимых мест, когда они так хорошо скры-

ваются?

«Юнамо.»

Неожиданно голос, мягкий и мелодичный, вернул его из мира мрачных размышлений. Перед ним стояла Сузуки. Её волосы, цвета воронова крыла, словно шелк, струились по плечам, обрамляя лицо с тонкими чертами и нежной кожей. Глаза, цвета летнего неба, смотрели на него с искренним, но немного смущенным любопытством. Возникла неловкая пауза, наполненная тишиной и легким румянцем, который, казалось, расцвел на её щеках.

«А...а?» — удивлённо промолвил он.

«Ты... ты готов к экзамену?» — спросила она, её голос звучал чуть тише обычного, словно она боялась нарушить хрупкое равновесие момента. — «Я... я немного волнуюсь. Ты уже всё повторил?»

Юнамо почувствовал, как его собственное лицо заливают краска. Он всегда чувствовал себя немного неуклюже рядом с Сузуки, её спокойная грация и искренняя доброта сбивали его с толку. «Да... да, я старался,» — пробормотал он, избегая её прямого взгляда. — «Думаю, я готов. А ты?»

Сузуки слегка улыбнулась, и эта улыбка, такая искренняя и теплая, заставила его сердце пропустить удар. «Я тоже надеюсь,» — ответила она. — «Просто... хочется всё сдать хорошо.»

Позади Сузуки, Юнамо заметил Химари. Она шла следом за Рэйки, который, как всегда, выглядел предельно се-

рьезным, его взгляд был устремлен куда-то вдаль, словно он был поглощен какими-то важными, недоступными для других мыслями. Химари же, напротив, казалась немного потерянной, её взгляд скользил по окружающим, но не останавливался ни на ком конкретно.

Внезапно Сузуки повернула голову, её взгляд упал на Сору, который всё ещё стоял рядом с Юнамо, его лицо было омрачено той же печалью, что и раньше. Сора смотрел на Химари, и в его глазах читалось невысказанное желание, смешанное с горечью.

«Сора,» — тихо произнесла Сузуки, её голос был полон сочувствия. — «Ты... ты в порядке?»

Сора вздрогнул, словно его вырвали из глубокой задумчивости. Он посмотрел на Сузуки, затем на Химари, и его губы дрогнули. «Я... я не понимаю,» — прошептал он, его голос был полон боли. — «Почему Химари... почему она меня не замечает? Я ведь здесь, рядом. Я стараюсь быть внимательным, заботливым... но она, кажется, видит только Рэйки.»

Сузуки положила руку ему на плечо, её прикосновение было мягким и успокаивающим. «Сора, иногда люди не видят того, что находится прямо перед ними,» — сказала она, её взгляд был полон понимания. — «Любовь — это сложная штука. Иногда она слепа.»

В этот момент, словно по волшебству, раздался резкий звонок. Все взгляды обратились к главному входу, где появился Тэцуя Огата. Его голос, громкий и властный, пронес-

ся по коридору, созывая всех школьников на экзамен.

Юнамо поднял взгляд и встретился с глазами Тэцуи. В этот момент его охватил леденящий страх. Это был не просто страх перед экзаменом, это был первобытный ужас, который пронзил его до самых костей. Сузуки и Сора обеспокоенно посмотрели на него, спрашивая, что случилось, но Юнамо не мог ответить. Он лишь медленно опустил голову, чувствуя, как его тело становится тяжелым, словно его тянет вниз невидимая сила. Он просто пошел вперед, в сторону аудитории, но каждый его шаг был наполнен предчувствием чего-то ужасного, чего-то, что уже начало разворачиваться...

**

8 Глава: «Ты никогда не станешь моим другом.»

Внутри колледжа царила суета, превосходящая оживление снаружи. Коридоры гудели от голосов, смеха и топота ног, создавая какофонию, которая, казалось, могла снести с ног. Воздух был плотным, пропитанным смесью запахов: от терпкого аромата свежесваренного кофе из студенческой столовой до легкого шлейфа духов и, конечно же, вечной пыли, поднимающейся от бесчисленных шагов. Стены, украшенные пестрыми плакатами с объявлениями, выцветшими фотографиями с прошлых мероприятий и даже несколькими дерзкими граффити, добавляли помещению некий студенческий шарм, несмотря на их незаконность. В аудиториях же, куда направлялись студенты, царила напряженная ти-

шина, нарушаемая лишь шелестом бумаги и скрипом ручек, предвещающая начало битвы разумов.

Когда класс Мицуками Юнамо начали запускать в аудиторию, его охватило привычное, но всегда волнующее чувство перед испытанием. Экзамен по философии жизни — это было не просто формальное тестирование, а возможность погрузиться в глубины собственного сознания, исследовать лабиринты мыслей. Один из вопросов, словно вызов, гласил: «В чем истинный смысл человеческого существования?». Юнамо, обдумывая его, вспомнил слова своего наставника, которые звучали в его голове как эхо: «Смысл не дан нам свыше, Юнамо. Он создается нами самими. Через поступки, через отношения, через стремления, которые мы выбираем.» Другой вопрос касался природы счастья: «Является ли счастье конечной целью или лишь временным состоянием?». Юнамо размышлял, что, возможно, истинное счастье заключается не в достижении какой-то недостижимой вершины, а в самом процессе поиска, в умении ценить мимолетные моменты, находить радость в мелочах, которые так часто ускользают от нашего внимания. Закончив работу, он аккуратно сложил лист, словно драгоценную реликвию, и, не поднимая глаз, протянул его Тэцуе Огате. Сделав глубокий вдох, Юнамо вышел из аудитории, плотно закрыв за собой дверь, словно завершая важный ритуал.

Внезапно он почувствовал странное, почти инстинктивное ощущение, словно что-то живое шевельнулось у него

на шее. Оказалось, это был Глоуи, который вновь деформировался из его кожи, приняв форму глаза на маленьком, пульсирующем отростке. «Юнамо, нам нужно уединиться,» — прошептал Глоуи, его голос звучал как шелест сухих листьев, несущий в себе древнюю мудрость. Юнамо, не задавая лишних вопросов, интуитивно направился в уборную. Зайдя в кабинку и закрывшись, он спустил рукав, и Глоуи, словно по команде, материализовался в его руке, его единственный глаз внимательно изучал окружающее пространство.

«Ты не поверишь, что я учуял от Тэцуи,» — начал Глоуи, его глаз нервно дернулся, словно от переизбытка информации. «Феромоны. Запахи, которые не улавливает человеческое обоняние. Нечто... первобытное. Обычно эти запахи исходят от моих братьев, у вас людей я такого ещё не встречал.» Юнамо был поражен, его разум, привыкший к логике и рациональности, столкнулся с чем-то совершенно новым. «Получается, Тэцуя — несущий?» — спросил он, его голос дрожал от удивления, словно он только что открыл новую, неизведанную главу в книге бытия. «Похоже, именно так.» — подтвердил Глоуи, его голос звучал с оттенком торжества. В этот момент дверь кабинки распахнулась, но Глоуи, обладая невероятной скоростью, успел сжаться и вновь слиться с рукой Юнамо, став обычной, хоть и немного странной, конечностью. За дверью стоял Рэйки, с улыбкой, которая, казалось, могла растопить лед.

«О, Юнамо! Тоже закончил?» — спросил Рэйки, его го-

лос был легким и беззаботным, как летний ветерок. «Я как раз думал, куда бы отправиться, пока экзамен не закончился. Может, на крышу? Там отличный вид, и никто не будет нас беспокоить.»

Юнамо, все еще переваривая информацию о феромонах и «несущих», кивнул. «Да, почему бы и нет. Мне тоже нужно немного проветриться.»

Они поднялись на крышу, и перед ними открылся захватывающий вид. Сакура, окутанная нежным розовым облаком, раскинулась внизу, а вдалеке величественно возвышались горы, их вершины терялись в легкой дымке. Воздух был свежим и чистым, наполненным ароматом цветов и земли.

«Знаешь, Рэйки,» — начал Юнамо, его взгляд скользнул по живописной панораме, но мысли были далеко. «Что ты думаешь обо всех этих... убийствах, которые происходят в последнее время? О маньяке, который орудует в наших краях?»

Рэйки пожал плечами, его беззаботность никуда не делась. «Честно? Без понятия. Но этот человек — настоящий мастер своего дела. Никаких следов, никаких зацепок. Как будто призрак или явно не человек во все.»

«Не человек...?» — спросил Юнамо.

Заткс он посмотрел на свою руку, на которой еще недавно был глаз Глоуи. Он чувствовал, как внутри него борются два желания: рассказать Рэйки правду, поделиться тем, что он знает, и сохранить это в тайне, опасаясь последствий.

«Все в порядке?» — внезапно спросил Рэйки, заметив задумчивость Юнамо.

«Да, все хорошо,» — ответил Юнамо, стараясь придать своему голосу уверенности.

Они замолчали, каждый погруженный в свои мысли, и устремили взгляды в дальнее окно второго этажа здания. Внезапно Рэйки ткнул Юнамо в плечо, и оба удивленно посмотрели в указанном направлении. Внутри здания, за стеклом, множество людей в панике покидали его, их лица искажены страхом. Это зрелище заставило Юнамо и Рэйки почувствовать холодок тревоги.

И тут, по колонкам, разнесся голос директора, объявляющий чрезвычайную ситуацию. В тот же миг на крышу вбежали Химари и Сора, их лица были бледны, а глаза полны ужаса.

«Там... там ворвался ученик с холодным оружием!» — задыхаясь, произнесла Химари. «Он уже... он уже убил двоих!»

Юнамо почувствовал, как сердце ушло в пятки. «Сузуки! Где Сузуки?» — спросил он, его голос дрожал.

Химари и Сора лишь пожали плечами, их глаза были полны отчаяния. Рэйки, мгновенно оценив ситуацию, взял командование на себя. «Быстро! Следуйте за мной! Нам нужно в соседний корпус, там есть черный ход.»

Четверка друзей бросилась вниз, их шаги отдавались эхом в опустевших коридорах. Атмосфера внутри здания стала

жуткой, воздух был пропитан запахом страха и... крови. На стенах виднелись кровавые следы, словно кто-то протаскивал по ним окровавленное тело. Юнамо не мог поверить, что обычный человек мог оставить столько крови. Это было немыслимо.

Добравшись до черного входа, они выбежали на улицу, где уже собралась толпа студентов. Директор, стоя на небольшой возвышенности, объявил, что экзамен временно прерван и будет засчитан всем в положительную сторону. Студенты начали возмущаться, недоумевая, почему директор так спокоен в такой ситуации. Но Юнамо не обращал на них внимания. Его взгляд лихорадочно искал Сузуки в толпе. Увидев ее среди своей группы, он выдохнул с облегчением.

И тут из здания вышел Тэцуя Огата. Их взгляды встретились, и Юнамо почувствовал, как по его телу пробежала волна нервозности. Что-то в его глазах, что-то неуловимое его взгляда, заставило его сердце забиться быстрее. В этот момент, когда мир вокруг казался охваченным хаосом, Юнамо почувствовал, как его собственная реальность начинает трещать по швам, открывая двери в неизведанное.

Тэцуя, с его непроницаемым выражением лица, медленно подошел к краю толпы, его взгляд скользнул по испуганным лицам студентов, но остановился на Юнамо. В его глазах не было ни страха, ни удивления, лишь какое-то странное, почти хищное спокойствие. Юнамо почувствовал, как по спине пробежал холодок. Что-то в Тэцуне было не так, что-то, что

выходило за рамки обычного понимания.

«Неужели он знает?» — пронеслось в голове Юнамо. Знает о Глоуи? О его истинной природе? Или о чем-то еще, что скрывалось за фасадом этого спокойного, почти безучастного студента?

Рэйки, заметив напряжение Юнамо, подошел ближе. «Эй, ты в порядке? Ты выглядишь так, будто увидел призрака.»

Юнамо лишь покачал головой, не в силах произнести ни слова. Он чувствовал, как Глоуи внутри него напрягся, словно предчувствуя опасность.

«Это все из-за того, что произошло,» — продолжил Рэйки, пытаясь разрядить обстановку. «Но, знаешь, директор прав. Экзамен — это последнее, о чем стоит думать сейчас. Главное — выбраться отсюда живыми.»

Но Юнамо не мог отделаться от ощущения, что все это не просто случайность. Убийства, внезапное нападение, странное поведение Тэцуи — все это складывалось в какую-то зловещую мозаику, центром которой, казалось, был он сам.

В этот момент из здания, где только что произошла трагедия, выбежали еще несколько студентов, их лица были покрыты пылью и слезами. Среди них Юнамо увидел знакомое лицо — это была Сузуки, одна из его однокурсниц. Она выглядела совершенно потерянной, ее глаза были полны ужаса.

«Сузуки!» — крикнул Юнамо, бросаясь к ней. «Ты в порядке?»

Девушка, увидев Юнамо, бросилась к нему, обнимая его

так крепко, что он едва мог дышать. «Юнамо... это было ужасно... Я видела... я видела, как он... как он убивал...» — ее голос прервался рыданиями.

Юнамо обнял ее, пытаясь успокоить, но сам чувствовал, как его охватывает волна паники. Он посмотрел на Тэцую, который все еще стоял в стороне, наблюдая за происходящим с невозмутимым видом. Что-то в его глазах, что-то неуловимое, заставило Юнамо почувствовать, что Тэцую знает гораздо больше, чем показывает.

«Рэйки,» — сказал Юнамо, его голос был напряженным. «Ты веришь в то, что существуют существа, которые могут... деформировать конечности и убивать людей, прикрываясь их видом?»

Рэйки удивленно поднял брови. «Что за глупости, Юнамо? Ты серьезно?»

Юнамо лишь вздохнул. Он знал, что Рэйки не поверит. Как и большинство людей. Но он чувствовал, что это правда. И что Тэцую, возможно, является одним из таких существ.

«Я просто... я просто думаю, что не все так просто, как кажется,» — пробормотал Юнамо, глядя на свою руку, где еще недавно был глаз Глоуи.

В этот момент из здания, где произошла трагедия, вышел директор. Его лицо было бледным, но в глазах горел решительный огонь. «Студенты! Я понимаю ваш страх. Но мы должны сохранять спокойствие. Полиция уже на месте, и мы сделаем все возможное, чтобы обеспечить вашу безопас-

ность.»

Но Юнамо не слушал. Его взгляд был прикован к Тэцуе. Тот медленно повернулся и, не глядя, направился прочь от толпы, растворяясь в суматохе. Юнамо почувствовал, как внутри него что-то изменилось...

Спустя несколько часов после нападения на учебное заведение Юнамо, весть о произошедшем разнеслась по всей Рукогане, словно ядовитый туман. Маньяк, оставив после себя более шестнадцати жертв и тридцать два раненых человека, бесследно исчез, не оставив ни единой зацепки, лишь зияющую пустоту там, где еще недавно была жизнь. Сам же Юнамо, словно вырванный из кошмара, закончил занятия и отправился домой. Но вместо привычного пути, его ноги сами собой привели его на детскую площадку. Усевшись на скрипучие качели, он начал раскачиваться, погружаясь в пучину собственных мыслей. Затянув рукав, он пристально уставился на свою руку, словно ожидая увидеть там ответ на все свои вопросы. Глоуи не появлялся, оставляя Юнамо наедине с его терзаниями.

Погрузившись в размышления, он вновь вспомнил Тэцую Огату: его взгляд, словно выцветший от вечной тоски, его поведение, такое отстраненное, и эту странную пустоту в глазах, которая проникала в самую душу. Возможно, он и правда является «несущим», одним из тех, кто скрывается в тени, играя с жизнями людей. Но почему тогда он так уверенно себя ведет? Неужели они так хорошо умеют скрываться,

настолько, что даже не оставляют следов? Эта мысль вызывала холодок по спине.

Внезапно подул легкий ветерок, принося с собой аромат цветущих деревьев и прохладу, словно утешение для измученной души. Идиллия была хрупкой, и ее тут же разорвал странный, жалобный скулеж собаки, донесшийся из-за угла. «Хм? Что это было?» — удивленно спросил Юнамо, его голос прозвучал глухо в вечернем воздухе. Остановив качели, он обернулся на звук, словно притягиваемый неведомой силой. Медленно встав, он направился к источнику скуления, каждый шаг отдавался эхом в его сознании. Подойдя ближе, он увидел на земле пятна крови, темные и липкие, уходящие вглубь темного, зловещего переулка. Атмосфера становилась все более гнетущей, воздух сгушался, наполняясь предчувствием чего-то ужасного. Любопытство, этот вечный двигатель человеческих поступков, взяло верх над страхом. Юнамо медленным шагом продолжил идти, завернув за угол, и увидел ужасающую картину, которая навсегда отпечаталась в его памяти.

Пораженная «несущим» ворона, искаженная до неузнаваемости, пожирала мертвую собаку. Ее клюв, словно выкованный из кошмаров, на странных, пульсирующих отростках нес глаза, которые смотрели в никуда, а из головы тянулись извивающиеся щупальца, словно живые змеи. Вместо привычных перьев, ее тело было покрыто острыми, блестящими лезвиями, которые отражали тусклый свет фона-

рей. Юнамо охватил сильнейший испуг, он застыл в ступоре, его тело отказывалось подчиняться, а разум отказывался верить увиденному. «Собрат?» — обрывками проговорил ворон, его голос был хриплым и искаженным, словно шепот из преисподней.

Не понимая, что происходит, не в силах осмыслить эту сюрреалистическую реальность, Юнамо бросился бежать. Внезапно ворона начала деформироваться, ее тело разрывалось, словно ткань, превращаясь в жуткое, многоногое существо, чьи очертания были чужды всему живому. Ткани птицы изменились с отвратительным хрустом, образуя страшное чудовище, чьи конечности извивались в воздухе, словно голодные змеи. Юнамо мчался по переулкам, его сердце колотилось в груди, как пойманная птица, но в конце пути его путь оборвался. Он упал, споткнувшись о неровный камень, прямо перед глухим тупиком. Маленькое, но жуткое существо, преследующее его, догнало его в мгновение ока. Его шаги, казавшиеся такими быстрыми, теперь звучали как удары молота по его собственному сознанию.

«Почему ты убегаешь? Стоп... Ты не из нашего рода?!» — агрессивно прошипел несущий, его голос был полон ярости и недоумения. Юнамо не мог произнести ни слова. Его зрачки затряслись, а рот открылся сам по себе, словно пытаясь выдохнуть весь ужас, который скопился внутри.

«Ясно... Я покажу тебе сущий облик ужаса, человек,» — прорычал несущий. Одна из его конечностей начала дефор-

мироваться, превращаясь в острое, блестящее лезвие, которое с невероятной скоростью направилось в сторону Юнамо. Но в последний момент, когда смерть казалась неминуемой, одна из его рук деформировалась. Она выросла, превратившись в крепкую, сильную конечность, которая сдержала удар. Это был Глоуи. Но почему он помог? Сейчас это было неважно. Время для вопросов еще не пришло.

«Ха? Ты не должен был вмешиваться, собрат.» — прошипел несущий, его глаза, теперь многочисленные и мерцающие, были направлены на Глоуи. «Этот человек — добыча. Он принадлежит нам.»

«Он не добыча,» — ответил Глоуи, его голос был спокоен, но в нем звучала сталь. «Он не из нашего рода. И я не позволю тебе его трогать.»

«Ты защищаешь человека? Ты, кто сам является несущим?» — в голосе несущего звучало недоверие, смешанное с презрением. «Ты забыл, кто ты есть?»

«Я помню,» — спокойно ответил Глоуи. «Но я также помню, что моя жизнь зависит от этого тела. И я не позволю тебе его уничтожить.»

«Глупец!» — взревел несущий, и его тело начало трансформироваться. Щупальца вытянулись, лезвия заблестели, и он бросился на них. Началась эпичная битва. Глоуи, несмотря на свою кажущуюся хрупкость, двигался с невероятной скоростью и силой. Он уворачивался от смертоносных атак, его собственные конечности превращались в острые когти

и щиты. Воздух вокруг них трещал от напряжения. В один момент, когда несущий попытался нанести решающий удар, Глоуи увидел возможность. Он пробил его грудь, его рука, превратившись в острый клинок, вонзилась прямо в сердце несущего. Раздался ужасный хруст, и тело несущего начало высыхать, словно старая пергаментная бумага, превращаясь в прах.

Увидев смерть несущего, Юнамо выдохнул, его тело дрожало от пережитого. Он коснулся лба другой рукой и почувствовал влагу. Тварь успела ранить его, но рана была неглубокой. Глоуи же не отрывал взгляда от останков своего собрата, в его глазах читалась странная смесь печали и отвращения.

«Ты спас меня,» — прошептал Юнамо, его голос был хриплым.

«Я защитил себя,» — ответил Глоуи, его взгляд был холодным и отстраненным. «Мне все так же все равно на тебя. Это была лишь самооборона. Моя жизнь зависит от этого тела, и я защищал его. А значит, защищал и тебя.»

Несмотря на его слова, Юнамо почувствовал облегчение. Он все равно поблагодарил Глоуи. Бросив еще один взгляд на останки несущего, Юнамо отправился домой. По пути он вновь решил задать пару вопросов для Глоуи, но тот, казалось, опередил его.

«Тэцуя Огата — мой собрат. Думаю, ты это понял?» — проговорил Глоуи, его голос звучал в голове Юнамо, словно

эхо из другого измерения.

Юнамо замер, его шаги замедлились, а затем и вовсе остановились. Удивление охватило его с головой, вытесняя остатки страха и напряжения. «Я догадался об этом.» — прошептал он.

«Ага,» — подтвердил Глоуи, и в его голосе прозвучала нотка чего-то похожего на удовлетворение. «Я учуял странные феромоны, исходящие от него. Они выдают нашу природу, даже если сам носитель не осознает этого. И насчет нападения в школе... никакого маньяка там не было. Несущим свойственно менять скаल्प и тело под других людей. Это наша особенность, наша маскировка.»

Юнамо почувствовал, как земля уходит из-под ног. Его мир, который он считал таким понятным и предсказуемым, рушился на глазах. «Получается... мои друзья, отец...? Могут быть несущими, а я даже этого не замечу?!» — его голос дрожал от смеси ужаса и неверия.

«Именно,» — холодно ответил Глоуи. В его словах не было ни тени сочувствия, лишь констатация факта. Но затем он продолжил, и в его голосе появилась едва уловимая нотка успокоения. «Но это не опасно для тебя. Я могу различать свой род от обычных людей. Мои чувства обострены, и я чувствую их присутствие, даже если они искусно скрываются.»

Юнамо выдохнул, чувствуя, как напряжение медленно покидает его тело. Осознание того, что он не полностью одинок

в этом мире, что есть кто-то, кто может его защитить, принесло огромное облегчение. Он посмотрел на свою руку, где еще недавно пульсировала сила Глоуи, и попросил: «Глоуи, деформируйся обратно.»

Рука медленно и уверенно начала приобретать свой обычный внешний вид. Кожа стала гладкой, пальцы вернулись к своей привычной форме. Юнамо почувствовал легкое покалывание, словно после долгого сна. Он медленно потянул к дверной ручке своего дома, открывая дверь в привычный мир, который теперь казался ему совершенно иным. Мир, где за каждым углом может скрываться нечто неведомое, мир, где даже самые близкие люди могут оказаться чужими. Но теперь он знал, что не одинок. И это знание, каким бы пугающим оно ни было, давало ему силы идти дальше.

Вечер окутал дом Юнамо мягким, обволакивающим теплом. За кухонным столом, освещенным мягким светом лампы, собралась вся семья: отец, сестра Момока, и, к полному удивлению Юнамо, незнакомый парень. Момока, с лучезарной улыбкой, словно солнце, пробивающееся сквозь тучи, пригласила брата присоединиться и с энтузиазмом начала представлять своего спутника.

«Юнамо, дорогой, познакомься, это Кэнтаро Нагаоки,» — произнесла Момока, ее голос звучал мелодично, как звон колокольчиков. «Он работает в погребальных услугах.»

Юнамо, чье сердце всегда открыто для новых знакомств, словно цветок, раскрывающийся навстречу утренней росе,

протянул руку Кэнтаро. «Очень приятно, Кэнтаро. Я Юнамо.»

«Взаимно,» — ответил Кэнтаро, его рукопожатие было крепким, как корни старого дерева, но в нем чувствовалась какая-то сдержанная теплота.

В этот момент Ноблоу, отец Юнамо, прищурившись, словно опытный охотник, заметивший след на снегу, заметил что-то на брови у своего сына. «Юнамо, у тебя кровь на брови,» — сказал он, указывая пальцем, его голос был спокоен, но в нем звучала нотка заботы.

Юнамо почувствовал резкую, пульсирующую боль в голове, словно рана, полученная им ранее, вновь открылась, кровоточащая память о пережитом. Он отказался от предложенной Момокой помощи, словно отбрасывая ненужную нить, лишь поблагодарив ее за знакомство, его голос был тихим, но искренним. С легким поклоном, словно прощаясь с уходящим днем, он поднялся на второй этаж, направляясь в свою комнату, где его ждали лишь тени и размышления.

Уже в своей комнате, словно в уединенном святилище, Юнамо снова погрузился в поиски информации о «несущих». Луна давно сменила солнце, ее холодный свет проникал сквозь окно, но его усилия оставались тщетными, словно попытка поймать ветер в ладони. Взяв лист бумаги и ручку, он начал рисовать, его пальцы двигались с лихорадочной скоростью, словно пытаясь выплеснуть на бумагу весь ужас, который он видел. В его воображении возникал жуткий об-

раз: существа с множеством глаз, словно россыпь черных жемчужин, острыми, неестественными конечностями, напоминающими когти хищника, и извивающимися щупальцами, словно змеи, готовые к броску. Их тела — мягкие, без кожи, обнажающие внутреннюю структуру, словно открытая книга, полная ужасающих тайн. Закончив зарисовку, Юнамо спрятал ее, словно пряча от самого себя этот кошмар.

Внезапно на экране компьютера появилось тревожное сообщение, словно гром среди ясного неба: пропала Нагисаки Сисори, а ее колледж закрывается на неопределенный срок. Удивленный Юнамо, словно птица, встревоженная внезапным шумом, проверил телефон. Пришло сообщение от Рэйки: тот же колледж, та же практика в следственном отделе. Для Рэйки это, возможно, была радостная новость, словно долгожданный рассвет, но для Юнамо она не имела значения, словно пустой звук. Он уже знал, что никакого маньяка нет, его мечты о раскрытии преступлений, словно хрупкие бабочки, разбились о реальность. Есть лишь эти странные существа, появившиеся из ниоткуда, словно призраки из забытых снов.

Но тут его осенило, словно молния, осветившая темное небо. Сегодня он победил одного из «несущих». Сердце. Точно, сердце — их слабое место. Пробить его — значит лишить организм снабжения, остановить его, словно перекрыть источник жизни. Значит не все потеряно. Но их количество, их происхождение, их истинные цели — все это

оставалось загадкой, словно туман, окутывающий неизвестный берег. Мечты о славе детектива вновь рухнули, но в груди разгоралась новая, более сильная мотивация — противостоять этому кошмару, защитить то, что еще можно спасти.

Внезапно левая рука Юнамо начала деформироваться. Кожа натянулась, словно пергамент, кости закрипели, меняя форму. Пальцы удлинились, стали тонкими и острыми, словно иглы. На ладони, словно зловещий глаз, открылось еще одно око, окруженное множеством мелких, пульсирующих зрачков. А затем, из глубины ладони, медленно, словно расцветая в ночи, появилась улыбка — широкая, неестественная, полная острых, как бритва, зубов.

«Что такое, друг?» — спросил Юнамо, его голос был спокоен, лишен всякого удивления, словно он наблюдал за обычным явлением.

«Друг? Ты никогда не станешь моим другом,» — ответил голос, исходящий из деформированной руки, холодный и отстраненный, как ледяной ветер.

«Ты сегодня спас нас. Я не могу не называть тебя своим товарищем. Я благодарен,» — произнес Юнамо, его слова были искренними, словно роса на утренней траве.

«Может быть и так. Но не забывай, ты лишь моя оболочка. Мы не можем быть друзьями. Цель моего рода — очистить землю от людей. Я наконец это осознал,» — заявил голос, в котором звучала стальная решимость.

«А? Чего это ты несешь?» — Юнамо был искренне удив-

лен, словно слышал речь на незнакомом языке.

«С каждым днем я набираю все больше и больше информации. Я понял, кто мы и для чего здесь. Но неизвестно, почему кордицепс эволюционировал именно так. На это я не могу ответить. Но знай, как я и повторюсь, вы лишь паразиты земли. Также как и мы для вас,» — проговорил голос, который Юнамо теперь знал как Глоуи.

«Паразиты?» — Юнамо начал погружаться в философские дебри, его разум, словно корабль, отправился в плавание по океану вопросов. «Симбиоз — это ведь не только одностороннее потребление. Это взаимовыгодное сосуществование. Мы, люди, дали всему возможность развиваться, эволюционировать, как и природа нам. А несущие... они дают нам возможность понять истинный смысл бытия, увидеть мир таким, каким он есть на самом деле, без иллюзий и самообмана.»

«Истинный смысл бытия?» — Глоуи усмехнулся, его смех был похож на шелест сухих листьев. «Истинный смысл бытия — это выживание. Это продолжение рода. Это борьба за место под солнцем. А вы, люди, лишь временное явление. Вы — пыль на ветру истории. Вы — ошибка природы, которую необходимо исправить.»

«Ошибка? Но ведь мы создали цивилизацию, искусство, науку. Мы познали звезды, мы научились любить и ненавидеть. Разве это не имеет значения?» — Юнамо чувствовал, как его голос дрожит от эмоций. «Разве не в этом заключа-

ется смысл жизни — в стремлении к познанию, к совершенству, к созданию чего-то прекрасного?»

«Прекрасное? Вы называете прекрасным то, что ведет к саморазрушению? Ваша цивилизация построена на лжи и насилии. Вы покоряете природу, вместо того чтобы жить в гармонии с ней. Вы создаете оружие, способное уничтожить все живое, и называете это прогрессом. Ваша любовь — это собственничество, ваша ненависть — это страх. Вы не стремитесь к совершенству, вы стремитесь к власти. И в этом ваша главная ошибка,» — Глоуи говорил с холодной уверенностью, словно зачитывая приговор.

«Но ведь мы учимся. Мы совершаем ошибки, но мы стараемся их исправить. Мы стремимся к лучшему. Разве это не признак жизни, стремление к развитию?» — Юнамо пытался найти хоть какую-то зацепку, хоть малейший проблеск надежды в словах своего симбионта. «Кордицепс, который дал тебе жизнь, тоже эволюционирует. Он меняется, приспосабливается. Разве мы не похожи в этом?»

2. «Эволюция — это не всегда прогресс. Иногда это деградация. А ваше стремление к лучшему — это лишь иллюзия. Вы гонитесь за призраками, за эфемерными идеалами, которые никогда не сможете достичь. Вы — как мотыльки, летящие на огонь, обреченные на гибель. А мы... мы — естественный отбор. Мы — сила, которая очищает мир от всего лишнего, от всего, что мешает истинному развитию.»

В этот момент Глоуи взглянул на рисунок Юнамо, ле-

жащий на столе. Его взгляд задержался на жутких образах «несущих», и в его голосе прозвучала нотка чего-то, похожего на грусть.

«Что такое?» — спросил Юнамо, уловив перемену в тоне Глоуи.

«Не знаю. Странное чувство. Будто бы сожалею о своем поступке. Я убил себе подобного. Это неэтично,» — промолвил Глоуи, и в его словах прозвучала искренность, которая поразила Юнамо.

«Хах? Seriously? Слышать от тебя такое это странно,» — с насмешкой сказал Юнамо, но в его голосе не было злобы, лишь удивление. «Ты, который только что говорил о естественном отборе и очищении мира, вдруг начал говорить об этике?»

«Слушай, Юнамо, не знаю, как все пойдет дальше, но я не готов убивать своих братьев,» — заявил Глоуи, и в его словах звучала решимость, но в то же время и какая-то растерянность.

«А если они захотят убить тебя?» — спросил Юнамо, его голос стал серьезным.

«Это другое дело. Думаю, я разберусь, что нужно будет делать в этой ситуации. Извини, у меня нет настроения,» — произнес Глоуи, и рука Юнамо начала медленно возвращаться в свою обычную форму.

Юнамо выдохнул, чувствуя, как напряжение покидает его тело. Он смотрел на свою руку, которая теперь выглядела

совершенно нормально, словно ничего не произошло. Но он знал, что это не так. Он чувствовал, что что-то изменилось.

«Возможно, он действительно начинает понимать,» — подумал Юнамо, размышляя о словах Глоуи. «Возможно, он действительно сожалеет. Хотя это маловероятно. С его стороны, с точки зрения его рода, это было бы логично. Но... что именно он чувствует? Сожаление? Страх? Или что-то еще?»

Он снова погрузился в свои мысли, размышляя о том, как странно мир может измениться в любой момент, а многие даже этого не заметят. Откуда появился человек? Почему именно сейчас все это происходит с ним? Почему именно так? Эти вопросы кружились в его голове, словно стая птиц, не находя покоя.

Юнамо вспомнил слова Глоуи о том, что люди — паразиты земли. Но разве не все живое в какой-то степени паразит? Разве не все мы зависим друг от друга? Разве не в этом заключается смысл жизни — в поиске баланса, в стремлении к гармонии?

Юнамо посмотрел в окно. Луна освещала ночной город, и в ее холодном свете Юнамо увидел отражение своей собственной борьбы. Борьбы за выживание, за понимание, за место в этом хаотичном мире.

«Может быть, смысл не в том, чтобы найти ответы,» — прошептал он себе под нос, — «а в том, чтобы продолжать задавать вопросы. Может быть, именно в этом и заключается

наша человечность. В нашей способности сомневаться, искать, ошибаться и снова искать. Даже если мы — паразиты, как говорит Глоуи, то мы — паразиты, которые стремятся к звездам. Паразиты, которые мечтают. Паразиты, которые любят.»

Он снова взглянул на рисунок «несущих». Жуткие, но в то же время завораживающие. Они были частью этого мира, частью его темной, неизведанной стороны. И он, Юнамо, теперь тоже был частью этого. Симбионт, который боролся с собственным родом...

9 Глава: «Теория и практика.»

Утро Юнамо началось не с ласкового солнечного луча, а с настойчивого, почти агрессивного пиликанья уведомления от Рэйки. Экран смартфона осветил его лицо, еще не успевшее проснуться от сна. Сообщение было кратким, но от этого не менее шокирующим: «Нас переводят на практику в отдел следователей. Без экзаменов. Встреча вечером, у меня есть кое-что обсудить.»

Юнамо, зевая, принялся отвечать. «Серьезно? Покушение в колледже и сразу в следователи? Ты уверен, что это не розыгрыш?»

Рэйки ответил мгновенно: «Абсолютно. Сам видел. И да, вечером. Не опаздывай. Это важно.»

Согласовав время и место, Юнамо, наконец, выбрался из постели. И тут же столкнулся с привычной, но от этого не

менее сюрреалистичной картиной. Его правая рука, некогда ставшая домом для Глоуи, вновь была раскинута по всей комнате, словно живая, пульсирующая масса. На этот раз существо, с наушниками, надетыми на свои тонкие, похожие на щупальца пальцы, сидело у ноутбука, погруженное в какой-то свой, неведомый мир.

«Ну и что ты там слушаешь?» — спросил Юнамо, обращаясь к существу, которое, казалось, даже не заметило его присутствия.

Глоуи, не отрываясь от экрана, пробурчал: «Человеческое искусство. Удивительно, как вы, примитивные существа, умудряетесь создавать нечто столь... нелогичное. Эти ваши „картины“ — просто хаотичное нагромождение цветов. А музыка... Попытка выразить эмоции через звуковые вибрации. Неэффективно и предсказуемо.»

Юнамо лишь вздохнул. «Ты как всегда. Не можешь просто насладиться моментом, да?»

«Насладиться чем? Бессмысленностью?» — Глоуи фыркнул. «Лучше бы вы сосредоточились на оптимизации своих жизненных процессов. Например, на устранении этой вашей склонности к саморазрушению.»

Не желая вступать в очередную философскую дискуссию с несущим, Юнамо попросил Глоуи деформировался обратно, после чего он спустился вниз. На кухне его ждал отец. На экране телевизора мелькали тревожные кадры, связанные с недавним происшествием в колледже.

«Юнамо!» — Нобору обернулся, его лицо выражало смесь облегчения и беспокойства. «Слава богу, ты в порядке. Я так переживал, когда услышал о том, что произошло.»

«Я в порядке, отец,» — ответил Юнамо, стараясь скрыть легкое раздражение от слов Глоуи. «Просто... неожиданно.»

«Неожиданно — это мягко сказано,» — Нобору покачал головой. «Террористический акт в учебном заведении... Это просто ужасно. Я благодарен всем богам, что ты остался жив.» Он выключил телевизор, взял свой портфель и, накинув на голову шляпу, направился к выходу. «Будь осторожен, сынок, сейчас в Рукогане настали тяжёлые времена.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.